

A black and white portrait of a woman with long, dark, wavy hair, smiling warmly at the camera. She is wearing a dark, textured knit sweater. The background is slightly out of focus, showing what appears to be a window or a light source on the right side.

18+

Тесла Лейла Хугаева

**Проблемы
развития духа.
Критика
структурализма**

Тесла Лейла Хугаева

Проблемы развития духа.

Критика структурализма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190125

ISBN 9785005121875

Аннотация

«Проблемы развития духа. Критика структурализма» – это книга о проблемах теории познания и о том, как они сказались на современной социальной науке. Книга поднимает такие проблемы как проблема метафизики, проблема рационализма и эмпиризма, проблема шизоидности, проблема структурализма, проблема деспотий и магических религий, проблема демократий и духовных религий, проблема религиозных революций, проблема прав человека. Рукопись предлагает новый взгляд на теорию структурализма.

Содержание

Глава 1. Проблема второго осевого времени К. Ясперса	5
Глава 2. Проблема метафизики в философии О. Конта	29
Глава 3. Проблема рационализма. Эйнштейн и Бор	56
Глава 4. Проблема эмпиризма. Юм и Ленин	78
Глава 5. Проблема материализма и дарвинизма. Дарвин и Спенсер	91
Глава 6. Проблема Структурализма. Леви-Брюль и Леви-Стросс	119
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Проблемы развития духа. Критика структурализма Тесла Лейла Хугаева

Анна Кычакова *Корректор*

© Тесла Лейла Хугаева, 2020

ISBN 978-5-0051-2187-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Проблема второго осевого времени К. Ясперса

1. Мы начнем с определения метафизики, как ее понимают рационалисты, – метафизики интеллекта. Интеллектуальная форма космоса. У Платона – это идеи, у Декарта, Бэкона и Спинозы – законы природы, но во всех случаях это интеллектуальные формулы, которые определяют форму материи.

2. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет . Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать данной природы, или истинное отличие, или производящую природу, или источник происхождения (ибо таковы имеющиеся у нас слова, более всего приближающиеся к обозначению этой цели)». *метафизику, физику форму*

3. Из этого определения видно, что метафизика не только не противостоит науке, но составляет самую ее сущность. Если законы природы – это интеллектуальная форма мира, а наука изучает законы природы, то наука начинается и заканчивается там, где начинается и заканчивается метафизи-

ка интеллекта.

4. Позитивизм Огюста Конта, как известно, противопоставил понятие метафизики науке. У него, напротив, метафизическое стало означать ненаучное, даже бессмысленное. Потому что Конт, как последователь эмпиризма, отрицал законы природы в виде трансцендентной формы материи. После «проблемы индукции» Дэвида Юма отрицать законы природы стали все эмпирики, в том числе и позитивизм, как одно из направлений эмпиризма

5. Поэтому считается, что сегодня нет научного определения понятия Дух. Позитивизм Конта, который, как известно, противопоставил «метафизику» науке, вообще исключил понятие сознания из объектов научного исследования, как неподдающееся эмпирическому измерению, а вместе с сознанием и психологию из своей иерархии наук. Сознание, Дух, Духовная энергия, Психика, Психическая энергия – мы будем рассматривать эти понятия как тождественные в этой книге.

6. Огюст Конт, как все эмпирики, путает спекулятивную мысль и метафизику интеллекта, как ее определил Фрэнсис Бэкон. Одно дело – научная мысль, которая ищет законы природы путем индукции и дедукции, совсем другое дело – умозрительная софистика, «диалектика», как ее называл Бэкон, которая никак не связана с опытом или неправильно связана с опытом. Как известно, индукцию, как способ выведения общих законов природы из данных опыта, от-

крыл как раз Фрэнсис Бэкон.

7. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Разум, предоставленный самому себе, вступает на тот же путь, на какой ведут правила диалектики. Ибо дух стремится подняться к наиболее общему, чтобы там успокоиться, и слишком скоро начинает пренебрегать опытом. Но это зло еще увеличила диалектика своими пышными диспутами. Оба эти пути исходят из ощущений и частных и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частных, другой надлежащим образом задерживается на них. Один сразу же устанавливает некие общности, абстрактные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более подобно природе. Тот же, кто знает формы, – тот охватывает единство природы в несходных материях. И, следовательно, он может открыть и произвести то, чего до сих пор не было, чего никогда не привели бы к осуществлению ни ход природных явлений, ни искусственные опыты, ни самый случай и что никогда не представилось бы человеческому мышлению. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие».

8. Критика спекулятивной мысли, как «софизмов», «диалектики», «казуистики», «формальной логики» в том духе, как она имеет место у Бэкона, безусловно полезна и нужна. Но обозначать такое умозрение, оторванное от практики, метафизикой неправильно. Метафизикой мы будем называть те

вечные трансцендентные законы природы, к открытию которых стремится наш ум и что составляет сущность и содержание нашей научной деятельности

9. Другое дело голое умозрение, оторванные от жизни спекуляции формальной логики, «онтология абстракций» воображения. Достаточно только вспомнить, как понимали метафизику Кант и Гегель, Шеллинг и Фихте. Известно, что философия Канта, положившая начало немецкому идеализму, стала ответом на «проблему индукции» Юма, отрицавшего законы природы. Кант согласился с ним, что знание природы человеку недоступно и что законы человек сам приписывает природе. Так он окончательно разрушил метафизику интеллекта. Гегель, Шеллинг, Фихте уже шли по его стопам, и если они формально признавали интеллект и даже много говорили о нем, то сохранили главное из философии Канта: отрицание объективных законов природы и науки, как познание этих законов в процессе индукции и дедукции.

10. Разрушив метафизику интеллекта, они разрушили единственную лестницу, которая ведет на небеса. Поэтому все фантазии Канта об абсолютной свободе законодательствующего разума или Гегеля о духе-абсолюте, который сам придумывает законы не только себе, но и всей вселенной, были уже только «нагромождением софизмов», мистикой магического сознания, не имеющей никакого отношения к трансцендентному миру вечной интеллектуальной формы. К небу и духу, как энергии разума, получающей у него сво-

боду и силу.

11. Почему энергия Духа стоит особняком по отношению ко всем другим природным энергиям? Какую бы мощь ни развивала электрическая, механическая или атомная энергия, они всегда движутся строго в соответствии со своими закономерностями. Закономерностями, которые контролируем мы, люди. Мы имеем доступ к силе этих энергий благодаря тому, что наше мышление есть часть вселенского интеллекта, установившего законы природы и позволившего нам открывать эти законы. Такой силы нет у обычных природных энергий, только наличие у нас мышления дает нам ее. В этом наш доступ на небо уже при жизни. В этом наша свобода, поскольку мы можем открывать и контролировать законы в том числе и своей собственной энергии. Мы свободны в пределах контроля открытых нашей наукой природных энергий.

12. Стоит только разрушить один из полюсов интеллекта – либо отрицать законы природы, либо отрицать мышление, – и метафизика интеллекта вместе с силой и свободой Духа, которую дает нам наука, рушится безвозвратно. Даже если вандалы будут подобно Канту или Гегелю утверждать, что дали абсолютную свободу и силу нашему разуму, сняв ограничения объективными законами природы, – это только переход в мистику воображаемых идолов и полная потеря связи с истинной силой и свободой неба – с трансцендентной интеллектуальной формой вселенной.

13. Экзистенциальная философия сделала Дух объектом

своего пристального рассмотрения. Кьеркегор, Ницше, Ясперс, Хайдеггер, Сартр, Камю. В русском экзистенциализме – Толстой, Достоевский, Чехов и др. Они изучали Дух пользуясь только фактами опыта и логикой, ощупью, интуитивно, не умея еще сформулировать какое-то научное знание. Но эмпирический материал, ежедневный личный опыт, опыт общения и когнитивного развития – все это взывало к постулированию существования некоей духовной реальности, некоей психической энергии, живущей своей особой разумной моральной жизнью. Они ищут здоровье и патологию этого Духа, его силу и мощь, красоту и безобразие. Их подход уже не мистический, а вполне опытный. Они внесли большой вклад в становление науки о Духе, о психической энергии.

14. Гуманистическая психология Олпорта, Маслоу, Фромма, Хорни, Юнга, Адлера, Франкла, Роджерса и других стала продолжением научных поисков Духа, начатыми экзистенциалистами. В отличие от последователей биологизма Фрейда, Павлова и Скиннера, они утверждают самостоятельную психическую реальность, развивающуюся по своим собственным законам, независимым от законов биологии. Они шли тем же путем, ощупью, не имея пока в своем арсенале четко сформулированного научного метода, четкой философской позиции, лавируя и спотыкаясь, но неуклонно придерживаясь фактов и логики. В итоге труды каждого из них внесли большой вклад в понимание природы духовной энер-

гии человека, закономерностей его психики. Все чаще ученые используют термин «психическая энергия», когда хотят говорить о закономерностях психики. Например, Вильгельм Оствальд, Курт Левин, Фрейд, Юнг, Тойнби, Дюркгейм, Лесли Уайт не смогли бы сформулировать своих теорий без обращения к энергетической терминологии.

15. Психоанализ Фрейда и бихевиоризм Скиннера пошли по дороге, указанной Огюстом Контom, исключив сознание из объектов научного исследования, так как не считали его «фактом» реальности. Мозг – да, биологические инстинкты – да, но места сознанию не нашлось в повседневном эмпирическом переживании своей экзистенции. Фрейд считал сознание и разум производными от биологических инстинктов, а культуру – договором индивида с обществом о воздержании от агрессивных инстинктов. В итоге он сводил роль разума к «рационализации» индивидом своего биологического поведения в тех случаях, когда оно расходилось с «общественным договором» о сдерживании «зверя» в индивиде. Фромм пишет о цинизме Скиннера, который также отказывался признавать реальность человеческой души, сознания, духовной (психической) энергии несколько саркастически. Согласно теории условных рефлексов Павлова, бихевиористы стали трактовать психику как совокупность условных рефлексов, накопленных в результате научения стимул-реакция. В отличие от бихевиористов, Фрейд все же увидел психику как автономную энергию, хоть и счи-

тал ее производной от биологии. Он первым в психологии стал широко применять термин «психическая энергия».

16. Антропологи положили начало новой полемике вокруг онтологии Духа. Великие географические открытия поразили Новое время не только масштабами новых открытых земель, но в не меньшей степени и знакомством с первобытными людьми. Аборигены не были те же людьми, но с меньшим развитием. Их психика носила качественные отличия, она оказалась насквозь мистифицирована вопреки уверениям молодой материалистической науки о том, что человек всего лишь животное. Тогда, казалось бы, чем менее развиты люди, чем ближе они к природе, тем больше их поведение должно определяться животными инстинктами, тем больше они должны походить на животных. Ан нет, аборигены оказались во многих отношениях очень далеки от поведения биологического выживания, свойственного животным.

17. Например, аборигены четко делили весь мир на видимые и невидимые силы, на природную реальность и магическую (колдовскую реальность). Никто не мог сказать, как они к этому пришли, грамоте они обучены не были. Они обожествляли солнце, луну, ветер, растения или животных (какое-либо конкретное) и молили у них о пощаде. Они отдавали большую часть своих скудных запасов на жертвоприношения этим рукотворным идолам. Они истязали себя пытками, мучили голодом и жаждой, они запрещали себе техни-

ческие усовершенствования из страха разозлить богов.

18. Ученые Нового времени пришли к выводу, что мышление этих первобытных людей очень далеко от природы, что оно насквозь мистическое, что психика аборигенов объята страхом сверхъестественных сил, что им всюду мерещится черт и дьявол. Где же тут искать животный мир? Даже Дарвин впоследствии признал в «Происхождении человека», что проблема эта кажется ему неразрешимой и ответа на вопрос он не видит. Он только робко намекает, что собаки тоже «обожествляют» хозяев. *«Проф. Браубах утверждает, что собака смотрит на своего хозяина, как на Бога».*

19. Чарльз Дарвин «Происхождение человека»: «То же высокое умственное развитие, которое впервые побудило человека верить в невидимое вмешательство духов, затем в фетишизм, политеизм и наконец в монотеизм, должно было роковым образом вести к различным странным суевериям и обычаям до тех пор, пока его разум оставался на низкой ступени развития. О некоторых из них страшно вспомнить: таковы, например, приношения людей в жертву кровожадному богу, испытание невинных посредством яда или огня, колдовство и т. п. Тем не менее полезно размышлять иногда об этих суевериях, потому что они показывают, какой глубокой благодарностью мы обязаны развитию нашего разума, науке и успехам наших знаний. Сэр Леббок справедливо замечает: „Мы можем сказать без преувеличения, что смутный ужас перед неведомым злом висит подобно черной туче над

жизнью дикаря и отравляет ему всякую радость“. Эти печальные и косвенные результаты наших высших способностей можно сравнить с побочными и случайными ошибками инстинктов низших животных».

20. Мнения антропологов разделились. Эволюционисты считали, что мистика аборигенов, «анимизм» природных сил и тотемизм в поклонении идолам природы – это зачатки философского мышления, примитивные попытки объяснить окружающий мир. Дюркгейм ввел понятие психической энергии. Он считал, что мистика аборигенов – это разделение на «сакральное и профанное» с целью обретения «психической энергии» в массовых скоплениях людей, необходимых для проведения сакральных ритуалов. Леви-Стросс заявил, что аборигены обладают полноценным развитым сознанием, ничем не уступающим цивилизованным людям. Он возражал Леви-Брюлю, который считал, что феномен первобытного сознания проливает свет на качественную неоднородность сознания: два качественно различных мышления, способных сосуществовать в одной психике, в одном человеке: мистическое (пралогичное) и научное. Разве концепция Леви-Брюля не объясняет мифологические концепции о борьбе добра и зла в психике? Философские концепции экзистенциалистов и гуманистической психологии о борьбе истинного и ложного «я» в человеке?

21. Карл Ясперс предположил, что середина первого тысячелетия до нашей эры (VIII – V века до н.э.) стала рубе-

жом, отделившим первобытное сознание варваров от рационального сознания цивилизованных, культурных людей. Это время возникновения мировых религий в Персии, Индии, Израиле, Китае; философии и науки в Древней Греции. Он вводит в своей книге «Истоки истории и ее цель» знаменитую теперь уже доктрину «осевого времени». Так он именуется период VIII – V веков до н.э., который, согласно его мнению, стал решающим в становлении всей последующей человеческой цивилизации. Более того, Ясперс пишет, что до сих пор этот период является источником всякого духовного вдохновения и стимулом всякого развития. В тяжелые времена человечество возвращалось к культурной сокровищнице, обнаруженной человечеством в этот период. Гойя говорил, что сон разума рождает чудовищ. Действительно, пробуждение осевого времени стало тем рубежом, который провел качественную границу между первобытным сознанием варваров, насквозь пропитанных мистикой и магией и рациональным сознанием цивилизованных людей, свет разума которых отныне обращается к науке и философии.

22. Надо отметить, что Ясперс не считал, подобно Леви-Строссу, Шпенглеру, Тойнби или Хантингтону, что в мире десятки различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою собственную душу, и что души эти, подобно организмам, цветут и увядают. Напротив, он очень ясно говорит об общей культуре человечества и едином очаге цивилизации, который стал культурной колыбелью всего челове-

чества. Осевое время VIII – V века до н.э. составили очаги всего пяти цивилизаций: индийская, персидская, еврейская, китайская и, конечно, греческая. Именно поэтому сами индусы назвали своего пророка Буддой (пробуждением). Это время, когда человеческий интеллект словно пробудился ото сна после долгой спячки. «И, – пишет Ясперс, – те народы, которые не сумели усвоить того культурного прогресса, который принесло пробуждение этих пяти цивилизаций, остались варварами, вне истории и вне человеческого сознания». В его философии нет и намека на позицию упомянутых ученых о самобытности всех цивилизаций, об их несравнимой ценности и независимости от других цивилизаций.

23. Карл Ясперс «Истоки истории и ее цель»: «Эта схема мировой истории исходит из четырех, правда, очень значительных, но по своему смыслу гетерогенных периодов мировой истории: доистории прометеевской эпохи (неолит), эпохи великих культур древности, осевого времени, когда полностью формируется человек в его духовной открытости миру, эпохи развития техники. В доступной нам истории есть как бы два дыхания. Первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени. Второе начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и быть может, приведет еще к далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека. Все, что произойдет в наше время, должно быть универсальным и всеохватыва-

ющим; развитие уже не может быть ограничено Китаем, Европой и Америкой. Решающие события, будучи тотальными, должны неминуемо носить совсем иной роковой характер. Теперь весь вопрос состоит в том, сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно, проходя через жесточайшие страдания, созданием настоящего человека».

24. Получается, что религиозное сознание стало своего рода перевалочным пунктом в становлении разумного, рационального, научного сознания. Это уже не пралогичное мышление аборигенов, но еще и не рациональное мышление научного интеллекта. Это мифологическое мировоззрение, которое впервые поднимает во всей серьезности проблему сущности, развития, становления Духовной энергии человека. В этом прогрессивное значение мировых религий, которые стали толчком для философской постановки проблемы в будущем, а затем и научного изучения психики, психической энергии. Мы уже говорили, что гуманистическая психология (экзистенциальная философия) во многом сохранили мировоззренческий каркас мировых религий.

25. И Ясперс говорит только о пробуждении, о первом шаге, о становлении сознания человека. Понятно, что ужасы последующего развития человечества не позволяют говорить об обретении сколько-нибудь полного знания, по крайней мере рационалисту, который верит в свет разума и способность людей быть рациональными и конструктивными. Ясперс говорит о «втором осевом времени», когда появится

«настоящий человек», что, видимо, должно означать завершение того пути к истине, начало которому было положено в первое тысячелетие до н.э., в первое осевое время пробуждения мировых религий, науки и философии

26. Известно, что метафизика в ее истинном значении, которое мы будем защищать в этой книге, не только не противоречит науке, но является ее важнейшей предпосылкой и фундаментом. Вовсе не случайно, что ученые такого масштаба, как Декарт, Ньютон, Спиноза, Лейбниц, Эйнштейн, Максвелл, Фарадей, Ясперс, Тесла, Больцман, Планк и многие, многие другие были метафизиками. Они говорили о мире идей Платона, о деизме в противоположность теизму, о рационализме. Тем не менее современная наука со времен позитивизма Огюста Конта противопоставляет понятия метафизики и науки примерно в том смысле, в котором мы противопоставляем первобытное мышление и научный интеллект, как невежество мистики и реальное знание действительности. Попробуйте скажите современным позитивистам, эмпирикам, материалистам, что самые великие умы считали метафизику фундаментом науки – они как все суеверные люди отказываются видеть факты и прячут голову в песок

27. Неслучаен также и тот факт, что современная позитивная наука с ее эмпиризмом и отрицанием метафизики интеллекта зашла в тупик. Об этом знают ученые, ведут полемику в своих эзотерических кругах, защищают диссертации о проблеме индукции Юма, которую никто не может ре-

шить, и продолжают делать вид, что наука функционирует лучшим образом. Все прочие люди, которые не могут понять того эзотерического языка, которым стала современная социальная наука в силу надуманной сложности, пустых абстракций, софистики и казуистики, им верят и чувствуют себя за ними как за каменной стеной великой науки. Откуда им знать, что это замок на песке!

28. Мы покажем, какое решение проблемы Юма предложил Кант и каким препятствием стала философия Канта для развития науки. Нельзя решить проблему индукции Юма, оставаясь на почве эмпиризма. Кант схитрил, оставив одну ногу на поле эмпиризма, а другой шагнув в сторону метафизики. В итоге не осталось ни эмпиризма, ни метафизики, и полный отказ от научного мышления все приняли за выход из тупикового положения.

29. Самыми жесткими критиками Канта были Ленин («Материализм и эмпириокритицизм») и Айн Ренд, философ-рационалист, обвинивший Канта вслед за Лениным в том, что он разрушил объективную реальность и рационализм, встав на позиции мистицизма и агностицизма. Айн Ренд называла Канта «главным злодеем нашего времени», поскольку, как всякий рационалист, видела фундамент общества в научном познании. Также считал и Ленин, хотя впоследствии выяснилось, что диалектика Гегеля и диалектический материализм Маркса – ничуть не менее иррациональные системы, чем трансцендентальная философия Кан-

та. Гегель, кстати, был его учеником, и Гулыга пишет, что и Гегель, и Маркс восхищались Кантом.

30. Зарождение мировых религий в осевое время Ясперса стало только первым шагом на пути к становлению этих религий. Этот шаг стал борьбой с идолопоклонством первобытного мышления, когда люди стремились отвернуться от мистики мифологии в поисках метафизики интеллекта.

31. Следующий шаг – духовные революции внутри уже сложившихся религиозных систем. Это следующий рывок в освобождении от мистического мышления варваров. Они искали духовную силу интеллекта и потому пришли к монизму, к пониманию «единого» разума мира. Ведь только интеллект есть то единое, что связывает такую разнородную вселенную. Монотеизм в теологии, монизм в философии – развитие мышления приводит к осознанию единого духовного источника всего человечества, Интеллекта.

32. Для религий эта истина пока выражена мифологически и, собственно, далека от осознания ее первопричины в становлении интеллекта. Зато метафизика интеллекта элатов, Пифагора, Сократа приводит к становлению платоновской школы, дающей уже полноценную философию метафизики интеллекта.

33. Религии бурлят внутренними революциями. Греческое имя Заратустры – Зороастр, что говорит о том, что древние греки хорошо знали его философию. А некоторые ученые говорят о зороастризме как одном из источников

платонизма (что Пифагор познакомился с зороастризмом во время своего путешествия по Востоку, которое оказало большое влияние на его философию).

34. Христос бросает вызов иудейским пророкам, противопоставляет институтам догм и ритуалов – церковь духа и истины. Результатом его революции было становление христианской церкви. Лютер продолжает его борьбу уже в лоне христианской церкви, которая в свою очередь приводит к возникновению протестантских церквей по всей Европе.

35. Будда восстает против индуизма как религии догм и ритуалов и обращается к философским поискам истины. Шанкара преобразует брахманический ведизм в монотеизм веданты. Результатом этих революций становятся буддийские монастыри, которые в течение следующих веков завоевывают все новые страны: Китай, Япония, Тибет, Вьетнам и др. Интенсивная духовная жизнь Индии порождает таких великих деятелей, как Ганди, Рамакришна, Вивекананда, Тагор и др.

36. Жорж Санд, письмо к Антриетте де ла Бриготьер: «Вот уже 1800 лет, как церковь убивает Евангелие, ибо она желает только сухо толковать его, тогда как необходимо его продолжать. Христос был человек богодухновенный, но не бог, ибо что это за бог, который знал далеко не все, который не пожелал нам сказать всего, что нам надо было знать! Итак, думайте, вглядывайтесь в собственную душу, испытывайте свою веру, чтобы очистить ее, возвеличить ее всею мощью ваше-

го разума и сделать ее достойной того бога, которому поклонялся Иисус, славный мученик, распятый за то, что знал больше, чем Моисей и его пророки. Если веруете в то, что Иисус был богом, а Евангелие – последнее слово мудрости, значит, вы никуда не движетесь, а мне такой покой не нужен. В душе моей раздается голос, который велит мне отринуть этот покой, велит сражаться с усталостью и ленью. Конечно, я бы с большим удовольствием заснула в лоне религии, готовой к употреблению, знающей ответы на все вопросы. Спать на такой подушке – великое счастье! Однако я тревожусь вовсе не о собственном счастье! Я тревожусь о собственном долге и желаю узнать, в чем он заключается. И я полагаю, что Иисус сказал мне о нем недостаточно. Он оставил слишком много вещей непроясненными. Он не решил земной участи рода человеческого. Меж тем решения той проблемы, которую именуют ныне социальной (Иисус говорил о Царствие Божием на земле), он не нашел, и всякий кто не ищет это решение, не может считаться ни верующим, ни набожным, ни даже христианином. ... Вы простираетесь ниц перед непогрешимым христианством, я перед христианством совершенствующимся. Вы поклоняетесь церкви прошлого, я – церкви будущего! Поверьте: это та же самая церковь, наша общая мать, колыбель нашего общего разума и наших добрых чувств, наших благородных страстей и наших кротких добродетелей. Но ваша церковь закрыла свои двери, а наша их открывает».

37. Ромен Роллан «Вселенское Евангелие Вивекананды»: «Ибо большинство людей, считающих себя религиозными, в глубине души равнодушно к этому; они слишком ленивы, трусливы и неискренни; им удобнее оставаться на пути и не вглядываться слишком близко в то, что ждет их в конце. Вот почему они прозябают в податливой сфере формального благочестия». «Церкви и храмы, книги и обряды... Этот Kindergarten (детский сад) религии полезен для первых шагов духовного детства; но нужно пойти дальше, если искренно хочешь достигнуть истины». «Человека еще нет. Он будет. Бог, предающийся отдохновению, предоставил нам довершить лучшее из дел, дело Седьмого дня: освободить силы поработанного Духа. Разбудить Бога в человеке... Воссоздадим Бытие!»

38. Получается, что грубой ошибкой является утверждение о стагнации религиозных систем в силу их догматического характера. Догмы тормозят эволюционное развитие сознания, но провоцируют революционные бунты внутри самих церквей. В конечном итоге революционное обновление религий провоцирует тектонические сдвиги в сознании, результатом которых стало Возрождение, неотъемлемое от Реформации.

39. Вильгельм Дильтей написал превосходную книгу о развитии духа со времен Возрождения и Реформации. Его главная мысль, которую он иллюстрирует множеством примеров, состоит в том, что религиозное развитие челове-

ства должно привести к становлению универсальной, естественной религии. В то время термин «естественный» получил особое распространение в кругах просветителей, таких как Декарт, Спиноза, Руссо или Дидро, Лессинг и Жорж Санд, и был связан с новым мировоззрением, восставшим против догм религии и искавшим истину в законах природы.

40. Вильгельм Дильтей «Человек со времен Возрождения и Реформации»: «Так перед людьми этой эпохи встает в еще неопределенных очертаниях созерцание общей для всех благодетельных людей истины, которая получила свое наиболее чистое выражение в учении Христа и находит свою проверку в образе жизни. Из этого живого созерцания возникло затем понятие просвещенной, рациональной или естественной религии и теологии. Коорнхерт показывает, как во второй половине XVI века из борьбы сект, из стремления к миру с необычайной силой выкристаллизовывалось воззрение об общей всем конфессиям содержащей ядро религии истины. Это воззрение лежало в основе тенденции гениального Эразма, но решительно выходило за пределы того, что он считал допустимым высказывать в своих произведениях. Оно подготовило понятие естественной религии, которую затем Герберт Чербери обосновал врожденными моральными и религиозными задатками человека. Произведение Герберта Чербери об истине имеет эпохальное значение вследствие того, что как бы ставит проблему теории познания религии. В работе Чербери развиваются критерии, позволяю-

щие установить во всех противоречивых религиях одну истину. Таким образом в ней дана первая законченная система естественной религии. Стремление к воссоединению церквей, разделенных на католические и протестантские, и к объединению протестантских конфессий проявилось впоследствии у Лейбница в определенном отношении к естественной теологии. С этим долго продолжавшимся и непреодолимым движением были связаны все выдающиеся теории естественной религии и естественной теологии».

41. Естественная религия в устах таких просветителей, как Джордано Бруно, Спиноза или Лессинг, – это религия законов природы, «законов, написанных в сердце», как говорили Спиноза и Руссо, противопоставляя ее догмам теологии, «написанным на скрижалях». То есть законы природы против бумажных законов, религиозных или светских, часто имевших форму юридических (то есть принудительных). И поскольку законы природы, законы психики (законы, написанные в сердце) – общие всему человечеству, то открытие этих законов приведет к созданию единой гармоничной, универсальной для всех религии, положит конец войнам и преследованию еретиков. Такая «философская вера» может быть основана только на разуме, на рационализме, на примате разума над догмами откровений.

42. Карл Ясперс «Философская вера»: «Если Сократ, Бозций, Бруно – как бы святые в истории философии, это еще не значит, что они величайшие философы. Это – подтвер-

дившие своим мученичеством философскую веру образы, на которые мы взираем с благоговением. Признаком философской веры, веры мыслящего человека, служит всегда то, что она существует лишь в союзе со знанием. Она хочет знать то, что доступно знанию и понять самое себя».

43. Возможно ли, чтобы развитие науки привело к открытию такой естественной религии? Одинаково понимаемой духовной энергии всем человечеством? Будет ли это открытие психической энергии? Возможно ли второе осевое время Ясперса, которое, как он говорит, станет результатом появления «настоящего человека», когда его духовное становление завершится (но не научные поиски, которые составляют существо зрелого духа)? Возможно ли, что наука и религия суть две стороны одной медали, как говорят деисты и как часто говорил Эйнштейн? На эти вопросы мы и постараемся ответить в книге «Проблемы развития духа».

44. Жан де Лабрюйер: «Если даже земле суждено существовать лишь сто миллионов лет, все равно она переживает сейчас пору младенчества, начальные годы своего существования, а мы сами – почти современники первых людей и патриархов, к которым нас, наверно, и станут причислять в грядущем. Сравним же будущее с прошлым и представим себе, сколько нового и неизвестного нам люди познают еще в искусствах и науках, в природе и даже в истории! Сколько открытий будет сделано! Сколько различных переворотов произойдет на земле, во всех империях, во всех государ-

ствах! Как безмерно наше нынешнее невежество и какой малый опыт дали нам эти шесть-семь тысяч лет!»»

Глава 2. Проблема метафизики в философии О. Конта

1. Что понимать под объективной реальностью? Реальностью, которую не искажает наше восприятие? Возможно ли познать реальность такой, как она есть? Или человек только придумывает и фантазирует себе окружающий мир, как утверждали многие философы?

2. Что такое метафизика? Что такое сверхчувственный мир? Это мир, который доступен нашему интеллектуальному созерцанию, или мир интуитивного прозрения? Есть ли вообще какой-то сверхчувственный мир?

3. Что такое знание? Почему нам хочется познать мир, и что именно мы можем знать о мире? Как узнать, что то, что мы узнали, – правда, а не фантазии?

4. Есть всего три способа ответить на эти вопросы. Первый ответ дают рационалисты. Второй ответ дают эмпирики. И наконец, третий ответ дают мистики. Рассмотрим их все поочередно.

5. Точка зрения рационалистов выражена в трудах всех тех философов, которые считают наш мир, космос – миром вселенского интеллекта. Этот интеллект (Демиург Платона) спланировал мир в том «дизайне» законов природы, которым мы его знаем. Интеллект – единственная реальность

этого мира. Материя – это конкретное воплощение интеллекта, производный от интеллекта мир. То, что воспринимается человеком на уровне чувств, – это либо очень ограниченная информация, либо полностью ложная. Только информация, воспринимаемая интеллектом, – это истина.

6. Однако это не значит, что можно познать мир без посредства чувств. Интеллект – только форма космоса, которая нашла свое выражение, воплощение в материи. Нельзя узнать эту форму без анализа этой материи. Это здорово изложил Фрэнсис Бэкон в «Новом органоне», где он рассказывает об индукции как опытном методе познания – выведения законов природы из фактов опыта. Опытный метод в основе всех исследовательских работ Декарта.

7. Человеку доступна истина, потому что он сам часть этого вселенского интеллекта. Он носитель мышления, он часть единой субстанции разума. Его мышление есть ключ, которым он способен «открывать» законы природы, установленные вселенским интеллектом. И таким образом он приобщен к истине. Объективная истина существует – это законы природы, которые человек способен видеть мышлением. Она объективна, потому что это не искажение человеком окружающего мира спецификой своего восприятия, а доступ в пространство интеллекта, установившего законы природы, форму материального космоса. Эта интеллектуальная форма и есть объективная реальность. В этом состоит существо определения понятия метафизики рационалистами: это ин-

теллектуальная форма космоса, доступная познанию мышлением человека.

8. Значит, не все способны видеть истину, объективную реальность, получать знания. Только те, чье мышление достаточно развито для знания законов природы. Это трудоемкий процесс, который занимает много труда и времени как в филогенезе, так и в онтогенезе человека. Для конкретного человека его доступ к знанию во многом зависит от уровня культуры общества, в котором он живет, от количества накопленных знаний и институтов передачи этих знаний из поколения в поколение (система образования, библиотеки, музеи и т. п.). Остальные люди живут на уровне ограниченной и ложной чувственной информации и не имеют доступа к знанию, к пространству интеллекта.

9. Это Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Бэкон, Эйнштейн и др.

10. Эмпирики дают совсем другие ответы на эти вопросы. Прежде всего, они отрицают субстанцию интеллекта, как некий вселенский дизайн космоса в законах природы. Поэтому у них отсутствует понятие «объективная реальность». Нет никакой истины, никакого постоянного внешнего мира, есть только опыт наших ощущений. Этот опыт не позволяет нам говорить о том, что окружающий нас мир имеет какие-то законы, какой-то порядок в своей основе, какой-то «дизайн». Нам доступны только пучки текучих ощущений.

11. Таким образом, объективной реальности нет. Все, что

мы познаем, – есть только отражение в нашем организме, в мозгу, в нервной системе каких-то фактов внешнего мира, о которых мы ничего знать не можем.

12. И конечно, с точки зрения эмпириков нелепо было бы предполагать какую-то метафизику, какой-то сверхчувственный мир интеллектуального дизайна, какой-то интеллект, воплощением которого стала материя. Для эмпириков интеллекта нет как субстанции, есть только мозг человека, мозг животного, отражающий, воспринимающий, упорядочивающий факты мира. Это такая же однородная часть материи, как любая другая.

13. Эмпириками были Гоббс, Юм, Конт, Мах, Оствальд и др.

14. Третья точка зрения за мистиками. Они, в отличие от эмпириков, утверждают, что существует некая вселенская субстанция, которая установила форму, дизайн космоса, но во всех вариантах, которые предлагают мистики в качестве такой субстанции, человек не может познать ее своим мышлением. Поэтому мы будем называть ее мистической субстанцией.

15. Интеллект рационалистов – не мистическая субстанция, потому что он утверждает законы природы и познание этих законов мышлением, через анализ фактов опыта. Мистическая субстанция иррационалистов просто постулируется, но доступа к ее дизайну у человека нет.

16. Есть много вариантов мистической субстанции. На-

пример, «Абсолют» Гегеля, «Материя» Маркса-Энгельса-Ленина, «Интуиция» Бергсона, «Воля» Шопенгауэра или Ницше, наконец, «Трансцендентные Ноумены» Канта.

17. Мистики могут называть свою мистическую субстанцию любыми именами, даже абсолютным разумом, как у Гегеля, или «материей», как у Маркса, ее существо остается в том, что она недоступна мышлению человека, как реальное научное познание. То есть как открытие и контроль законов природы.

18. Они могут рисовать ее всемогущим богом, творящим космос и историю, а человека – инобытием этого духа, почти столь же всемогущего и столь же умного и гениального. Однако реальная сила человека как носителя мышления, открывающего вечные законы установленные интеллектом, остается разрушенной в философии мистиков.

19. Они могут утверждать, что признают объективную реальность законов природы, подобно Гегелю и Марксу. Однако они уже разрушили субстанцию интеллекта как неподвижную форму космоса, приписав ей вечное изменение и становление, историцизм, диалектику противоречий, которые уничтожают законы природы, как способность человека познавать и контролировать их. А вместе с этими законами как интеллектуальной формой космоса они уже уничтожили объективную реальность

20. Или они утверждают, подобно Канту и Шопенгауэру, что никакой объективной реальности нет; что познать

мир невозможно. Нет никаких законов природы, нет никакой интеллектуальной формы космоса. А если она есть, то она недоступна человеку. Мышление человека – только фикция, воображение, фантазия.

21. В интерпретации мистиков и метафизика рационалистов превращается в мистику. Они рисуют себе субстанцию бога, творца, демиурга как некую мистическую силу всеислия, как дух интуиции, воли, материи. Одним словом, мистика всеислия занимает место метафизики интеллекта.

22. Мистики породили фиктивную теорию познания, фиктивную теорию объективной реальности, фиктивную теорию метафизики. Это против их теории метафизики восстал Огюст Конт, как против бреда, развращающего научный метод. Это против их понятия «объективной реальности» выступали Мах и Авенариус как против «метафизики» (в контовской трактовке). Это против их теории познания выступил Жюльен Бенда в «Предательстве интеллектуалов».

23. Поэтому критика кантианства, предпринятая Гегелем, Энгельсом и Лениным, не более чем вздорная ссора мистиков, не имеющая отношения к выяснению основ научного метода. И Гегель, и Ленин были так же далеки от «объективной реальности», которую защищали от Канта, как и сам Кант. Так Ленин пишет в «Материализме и эмпириокритицизме»:

24. Ленин «Материализм и эмпириокритицизм»: «Все

знания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это так. Но спрашивается, „принадлежит ли к восприятию“, т. е. является ли источником восприятия. Если да, то вы – материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо придете к субъективизму, к агностицизму – все равно, будете ли вы отрицать познаваемость вещи в себе, объективность времени, пространства, причинности (по Канту) или не допускать и мысли о вещи в себе (по Юму). Непоследовательность вашего эмпиризма, вашей философии опыта будет состоять в таком случае в том, что вы отрицаете объективное содержание в опыте, объективную истину в опытном познании. Сторонники линии Канта и Юма (в числе последних Мах и Авенариус, поскольку они не являются чистыми берклианцами) называют нас, материалистов, „метафизиками“ за то, что мы признаем объективную реальность, данную нам в опыте, признаем объективный, независимый от человека, источник наших ощущений. Мы, материалисты, вслед за Энгельсом называем кантианцев и юмистов за то, что они отрицают объективную реальность как источник наших ощущений. Отсюда – отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах». *объективная реальность? агностиками*

25. Как можно видеть, он называет кантианцев мистиками (мещанская вера в леших и домовых), а себя рационали-

стом, который признает действительность и научное знание, истину. Однако насколько справедлива в этом отношении критика Жюльена Бенды в отношении диалектического метода, который он совершенно справедливо признает мистической, не имеющей ничего общего с рационализмом, я предлагаю вам убедиться самостоятельно. Альбер Камю также пишет в «Бунтующем человеке», что рационализм Гегеля объят «дрожью безумия», и в конечном итоге это уже никакой не рационализм.

26. Жюльен Бенда «Предательство интеллектуалов»: «Диалектический материализм отрекается от разума и тогда, когда стремится представить изменение не как последовательность неподвижных состояний, даже бесконечно близких, а как „непрерывную изменчивость“, не ведающую никакого постоянства; или когда использует такие свои вывески, как чистый „динамизм“, не затронутый никакой „статикой“. Здесь мы опять сталкиваемся с тезисом Бергсона, который проповедует движение, противоположаемое последовательности состояний покоя, действительно совершенно отличной от него, как бы ни были близки эти состояния друг к другу. Однако такая позиция выражает недвусмысленное отречение от разума, поскольку разуму свойственно останавливать вещи, которые он рассматривает, по крайней мере, пока он их рассматривает, в то время как чистое становление, по сути своей исключаящее всякую самотождественность, может быть предметом мистического единения, но не рацио-

нальной деятельности. Диалектический материализм, полагая себя в становлении, как отрицании всякой реальности, тождественной себе самой в течение сколь угодно короткого времени, полагает себя, по существу, в противоречии, а значит, по сути, что бы он ни утверждал – в области иррационального. Я жду, чтобы мне привели хоть один результат, достигнутый благодаря применению метода диалектического материализма, а не благодаря применению рационализма в его обычном понимании, хотя и с различными оттенками. Если спросить, что движет теми, кто насаждает этот метод, ответ очевиден – это люди, которые приходят сказать народам: „Наша деятельность заключается в истине, поскольку совпадает с историческим становлением; принимайте ее“. Догма о „гибком разуме“ близка и к другим – тем, что не признают „статичного взгляда“ науки, который „останавливается на результатах науки“, и, таким образом, предполагают, что наука не должна принимать никакой постоянной позиции, даже на короткое время; тем, что вещают: „Мысль – причудливый танец, исполняемый с помощью гибких телодвижений и разнообразных фигур“; тем, что, согласно их толкователю, заявляют: опыт, захватывая нас, „увлекает нас за рамки вложенного, , “. Этот „гибкий“ разум на самом деле не разум. „Моя цель, – говорит Декарт, – заключалась в том, чтобы достичь уверенности и, отбросив зыбучие наносы и пески, найти твердую почву“. Те, кто предписывают духу принять гибкость, понимаемую как свойство не вре-

менное, но органически ему присущее, тем самым призывают его окончательно отбросить разум, и если они выдают себя за защитников этой ценности, то они настоящие обманщики. Чтобы опорочить мысль, тождественную себе самой – как бы мало времени это ни продолжалось – и, значит, рациональную, наши динамисты настаивают на том, что она не способна постичь вещи в их сложности, в их бесконечности, в их всеобщности (totalite). Именно это они имеют в виду, заявляя (Башляр), что осуждают „узкий“ рационализм и намерены „открыть“ рационализм. Новые „рационалисты“ отвергают и не узкий рационализм совершенно так же, как узкий, только потому, что это рационализм. Но задача этих интеллектуалов – всеми способами вызвать у людей презрение к рациональной мысли. Вот поразительный пример их желаний отождествить мысль, учитывающую все нюансы, с мыслью изменчивой. „Когда г-н Эйнштейн, – пишет один из них, – предлагает нам исправить и усложнить положения ньютоновства, слишком простые и слишком схематичные, чтобы в точности соответствовать реальности, он укрепляет у философа убеждение, что было бы действительно полезно перевести кантианскую критику из „кристаллического“ состояния в „коллоидное““. И другой пример: „Искать нюанс, пусть даже рискуя затронуть противоречие, – вот способ постичь реальность“. Отметим, однако, это робкое „затронуть“. Варвары, стыдящиеся своего варварства. Интересно, что дали бы науке Луи де Бройль или Эйнштейн, если бы их

ум знал одно только непрерывное движение и отказывался принять какую-либо устойчивую позицию? Здесь опять наши интеллектуалы превозносят позицию чистого сенсуализма, отказ от всякого разума». *само по себе битвы приобретенного возможно, выводит за пределы своей собственной плоскости, во всяком случае, за пределы покоя вовсе*

27. Айн Ренд, как философ-рационалист, непоследовательна. Она стоит на позиции Аристотеля и Локка о «чистой доске» сознания, но в то же время говорит о законах природы и способностях человека познавать эти законы природы. Ее философия рационального объективизма зависла где-то между объективной реальностью материализма и метафизикой интеллекта рационалистов. Но поскольку диалектику Гегеля она отвергает, можно считать, что метафизика интеллекта у нее сохранна (законы природы в качестве реальности и мышление как ключ к этим законам). Она твердо противостояла субъективизму (например, в лице Ницше) и спекулятивной мистике Канта, которого так же, как и Ленин, винила в том, что он разрушил объективную реальность и поставил мистику на место рационализма.

28. Айн Ренд из *Untitled Letter*, 1973 год: «Кант изобрел технику, чтобы продавать иррациональные идеи людям скептического и циничного ума, которые уже отказались от мистицизма, но еще смогли овладеть философией рационализма. Эта техника состоит в том, что если вы хотите пропагандировать самые порочные идеи (основанные на традиционно

приемлемых идеях), ваши выводы должны быть ясными, зато ваши доказательства непостижимы. Ваши доказательства должны быть таким комком запутанных противоречий, чтобы они неминуемо парализовали критическую способность читателя. И под всеми этими туманностями и нагромождениями софизмов – ноль: отсутствие определений. Я предлагаю в качестве наглядной демонстрации – «Критику чистого разума»

29. Айн Ренд в интервью Тому Снайдеру (Tom Snyder): «Кант – это главный злодей нашей эпохи. Во всем виноват Кант. Не Карл Маркс, даже не религия, хоть я не одобряю религию, но они не злодеи. Злодей – Иммануил Кант, который проповедовал, что разум человека не действителен. Что вещи, которые мы воспринимаем, не существуют, они не реальны. Вещи в себе, согласно его философии, находятся в другом измерении, наш мир – это мир феноменов, как он его называл. Кроме него есть еще мир ноуменов, который для нас никоим образом не познаваем. И этот мир ноуменов – это и есть настоящая реальность. Вот только воспринять его мы не в состоянии. Ну давайте жить здесь на земле и исполнять свои обязанности. А наши обязанности нам сообщает некий голос, доносящийся из другого измерения, которого мы не знаем (а он откуда знает – об этом он не говорит). Он говорит, что на уровне морали мы должны исполнять наши обязанности. Для того, чтобы быть действительно добродетельными, нужно делать то, что не принесет ничего ни вам,

ни другим. Иначе, если у вас есть какая-то цель, даже благополучие других людей, ваши поступки не имеют морального значения. Вот такой философ оказал влияние на сегодняшнюю жизнь. Если этому учению Канта и всевозможным производным от него учат в современных университетах (а все современные философии незаконнорожденные кантианцы), если этому учат детей, то что они привносят в жизнь, выходя из колледжа? То, что мы видим сегодня. Мы достигаем видимой вершины кантианства. Они курят траву, они пытаются любыми возможными способами уничтожить свой разум, они живут сегодняшним днем, у них нет ни целей, ни ценностей».

30. Однако проблема, которую ставил перед рационализмом эмпиризм была настоящей проблемой, в отличие от казуистики умозрительной мистики немецкой философии Канта, Гегеля, Маркса, Шопенгауэра, Ницше и т. п.

31. Это была проблема индукции, которую поставил Юм в своем трактате «О познании». Существо ее сводится к тому, что он отрицает метафизику интеллекта рационалистов на том основании, что законов природы нет и нет способа доказать или проверить их существование. То, что события следуют одно за другим, не значит, что они связаны причинно-следственными связями. Нет способа доказать эмпирически, что это причинные связи, а не просто последовательность событий. Значит, солнце, которое встает сегодня, может не встать завтра; мы ждем восхода солнца благодаря при-

вычке воображения, а не потому что знаем какие-то законы природы.

32. Бертран Рассел «История западной философии»: «Я думаю, что, может быть, наиболее сильный аргумент в пользу Юма можно вывести из характера причинных законов физики. Выясняется, что простые правила формы „ является причиной “ никогда не допускаются в науке, кроме как в качестве грубого предположения на ее ранних ступенях. Причинные законы, которые заменяют такие простые правила в высокоразвитых науках, настолько сложны, что никто не может предположить, что они даны в восприятии; все они, очевидно, являются тщательно сделанными выводами из наблюдаемого процесса развития природы. Я оставляю в стороне рассмотрения современной квантовой теории, которая усиливает вышеизложенное заключение. Насколько это касается физических наук, Юм целиком прав: такое суждение, как „ является причиной “, никогда нельзя принять, и нашу склонность принять его можно объяснить законами привычки и ассоциации». *А В А В*

33. Огюст Конт остался на позициях эмпиризма Юма и не стал соглашаться с Кантом о каком-то мире ноуменов и феноменов, он правильно считал философию Канта мистикой. Он остался на позициях Юма о том, что законов природы не существует, ни в этом, ни в каком другом трансцендентальном мире. Существуют только последовательности событий, и это то, что нам предстоит описывать и измерять.

Никаких фантазий о причинных связях, регулярности вместо законов природы. Тогда строгая научность будет соблюдена максимальным приближением к данным опыта, к описанию фактов действительности.

34. Однако мы можем взглянуть на проблему иначе. Скажем, не говорить об утре и восходе солнца как о причине и следствии, а говорить в целом о законах механики Ньютона. Об открытых им законах небесной механики, которые с очевидностью показывают нам в математических формулах силы и скорости движения небесных тел в отношении друг друга и своей собственной оси.

35. Нам не надо видеть причины и следствия, чтобы доказать в данном случае. Нам надо просто постулировать систему законов механической энергии, которая открывает нам доступ к силе этой механической энергии. Разве такой доступ к силе механической энергии не будет доказательством открытия и контроля законов этой энергии? Разве мы не докажем этим, что наши знания законов механической энергии есть причина нашего доступа к силе этой энергии? Или электрической энергии? Или атомной энергии? Или биологической энергии? Химической энергии?

36. Энергетическую теорию познания предложил еще в свое время Вильгельм Оствальд. Он писал, что мы можем познавать только энергии природы, все другие объекты познания фиктивны. И что мы познаем природные энергии, потому что мы сами есть природная энергия – биологическая

энергия, психическая энергия. Что закон сохранения силы – в основе всего физического мира.

37. Однако Оствальд был сам эмпириком и потому не мог дать то определение природным энергиям, которое даем им мы, как системы законов, открывающих доступ к определенной природной энергии. Например, иерархию наук Конта можно трактовать в таком русле, как постепенное открытие различных природных энергий. «Добавочные законы на каждом шагу», о которых говорит Милль – это и есть система законов новой открытой энергии: механической, электрической, химической, биологической, и наконец, психической.

38. Джон Стюарт Милль «Огюст Конт и позитивизм»: «Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком порядке, что, проходя по этому порядку, нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомиться с добавочным на каждом шагу. В этом-то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.

1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят

только от своих собственных законов).

2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и, кроме того, от закона тяготения).

3. Физика (предполагает математические науки, а также астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др.).

4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др.).

5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии, и сверх того, от своих собственных)

6. Социология (наука о человеке и обществе). Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим. Сделать эту науку, высшую из всех, позитивную – было главной задачей Конта, и он думал, что исполнил эту задачу. Однако Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относиться к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она харак-

теризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии».

39. Оствальд трактовал энергию, будучи эмпириком, как «количество работы», а изучение энергий понимал как измерение перетекания энергий друг в друга на основе закона сохранения силы. Этот «эвристический метод» ему справедливо поставили в вину все: и Планк, и Эйнштейн, и Ленин.

40. Однако, если говорить об энергетической теории познания с позиций рационализма и понимать энергии как «формы природы», как «монады Лейбница», если угодно, как системы законов, открывающие доступ к силе различных энергий, тогда все трудности, которые сделали энергетическую теорию познания невозможной для эмпириков исчезают.

41. Ленин ответил Оствальду в том смысле, что «сказать ли материальное движение или движущаяся материя» ничего от этого принципиально не меняется. Однако, как мы видим, именно в этом радикальное отличие, если отличать материальное движение и движущуюся материю как позиции рационализма и эмпиризма.

42. Ленин «Материализм и эмпириокритицизм»: «Сказать ли: мир есть движущаяся материя или: мир есть материальное движение, от этого дело не изменяется. ... Оствальд пытался избежать этой неминуемой философской альтернативы (материализм или идеализм) посредством неопреде-

ленного употребления слова „энергия“, но именно его попытка и показывает лишний раз тщетность подобных ухищрений. Если энергия есть движение, то вы только передвинули трудность с подлежащего на сказуемое, только переделали вопрос „материя ли движется?“ в вопрос „материальна ли энергия?“ Происходит ли превращение энергии вне моего сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т. п.? На этом вопросе и сломала себе шею „энергетическая“ философия, эта попытка „новой“ терминологией замазать старые гносеологические ошибки».

43. Мы предлагаем энергетическую теорию познания как развитие энергетики Оствальда, но теперь уже на основе рационализма. И теорию психической энергии, вытекающую из энергетической теории познания.

44. Джон Стюарт Милль пишет, что Конт использовал неудачные названия для трех стадий своего закона развития сознания: теологическая, метафизическая и позитивная. Если смотреть поверхностно, то закон трех стадий Конта вполне совпадает с классификаций этапов становления сознания в теории психической энергии: мистика первобытного сознания на первой стадии, формальная логика, оторванная от фактов опыта, от действительности на второй стадии и научный интеллект открытия законов природы – третьей стадии.

45. Однако, если вспомнить определения стадий, которые

давал сам Конт, то расхождение очевидно. Он не видит качественного различия между первобытным пралогичным сознанием, как оно описано у Леви-Брюля, и логичным сознанием; он уничтожает дедукцию как «метафизику», между тем это одна из основ познания; он в принципе отказывает науке в существовании, отказавшись от метафизики интеллекта рационалистов, от законов природы Фрэнсиса Бэкона как интеллектуальной формы вселенной.

46. Мы солидарны с мнением Милля о том, что термин «метафизическая» совершенно неуместен для второй стадии становления мышления и что термин «абстрактная» или «формально-логическая» был бы несомненно много более уместным. Прежде всего, полемика вокруг онтологии, составляющая сущность платоно-аристотелевского дискурса, не только не является пустыми софизмами, как он хочет представить, но действительно занимает центральное место в теории познания, как правильно думали греки. Поэтому не этот спор есть свидетельство недоразвитости второй стадии, ее неполноценности в поисках обретения научного метода.

47. Проблемой второй стадии является формально-логичное мышление, развивающееся с раскрытием абстракции. Способность к обобщению, как известно, необходимый атрибут логического мышления, дедукции и индукции, которые не доступны первобытному сознанию дикарей. Великая цивилизация античной Греции – первый яркий пример

пробуждения абстрактного, формально-логического аппарата мышления у человечества. За какие только проблемы не брались греки, когда почувствовали в себе силу мысли. Они считали себя способными ответить на любые вопросы, будь это подлунный или надлунный мир, как у Аристотеля. Они ощутили силу спекуляции своего зрелого мышления. Увы, одного только зрелого инструментария мышления недостаточно для научного метода. Необходимо также знание, прежде всего знание гносеологии. Но никаких существенных знаний на тот период еще не было.

48. Однако инструментарий мышления действительно развился превосходно, и на смену первобытному пралогическому мышлению пришла стадия абстрактного, формально-логического мышления. Это спекулятивное мышление, которое способно своим логическим инструментарием создавать все новые и новые теории из различных данных опыта, каждый раз по-разному его интерпретируя. Это своего рода калейдоскоп, который рождает бесчисленные мировоззренческие системы, имеющие мало общего с реальной действительностью. Это формальная логика, которая еще не стала научным методом, то есть средством открывать законы природы. Пока она подобно кантовскому законодательствующему разуму утверждает свою абсолютную свободу в установлении собственных законов.

49. В этом специфика второй стадии становления сознания. Формальная логика как инструментарий мышления, ко-

торый еще не стал инструментарием научного мышления и остается чисто спекулятивным разумом. Действительно, сегодня нам нетрудно оценить наследие греческой философии не только с точки зрения того конструктивного и значимого, что там есть, но и с точки зрения фантазий, очень далеких от реальности. Это время, когда зрелое мышление уже формулирует много истинного, но еще далеко от научного метода и открытия законов природы. Например, можно согласиться с Фрэнсисом Бэконом, что почти вся философия Аристотеля может быть отнесена к такого рода спекулятивному вздору, никак не связанному с действительностью, зато в полной мере обнаруживающему всю мощь аппарата мышления с чисто функциональной точки зрения, как инструментария, который можно было бы выгодно применить в научном методе.

50. Вторую стадию можно называть абстрактной, спекулятивной, формально-логической, стадией осевого времени, а можно назвать шизоидной. Если открыть психиатрическую литературу, там много написано о мощных способностях абстрактного, формально-логического мышления шизоидов, о «метафизической интоксикации», где термин «метафизика» употребляется в том негативном значении, которое за ним утвердилось после позитивизма Конта. Шизоиды и шизофреники – это принципиально разные понятия. Шизоидами стали называть людей, личность которых соответствует в какой-то степени типичному преморбидному (то

есть до болезни, до психоза) характеру шизофреников. Шизоиды – здоровые люди, но такие, как ученые предполагают, которые «расположены» к шизофрении. Разумеется, это вовсе не значит что все те, кто подходит под определение шизоида, – сходят с ума. Это только значит, что ученые систематизировали факты и обобщили портреты людей, наиболее склонных к психозам, чтобы найти причины психозов и научиться их предупреждать. Поэтому в том, что одним из названий второй стадии может стать название «шизоидная», нет ничего оскорбительного для этой стадии и ведущих деятелей этой эпохи. Шизоиды – люди с очень мощным спекулятивным мышлением, но не умеющие применять его по назначению, то есть для научного исследования.

51. Осевое время Ясперса, вторая стадия становления мышления, характеризуется как позитивным мышлением, которое дало человечеству много новых знаний, так и шизоидным мышлением, софизмами, которые сформулировали великое множество ложных теорий. Это не только затруднило поиски знаний, но стало также провокацией новых бед в последовавшей волне агрессии и всеобщего противостояния. Важно помнить, что отдельные ученые, если разбирать их личности и творчество, говорили, как правило, и истинное, и ложное; и реальную науку, и пустые софизмы. Каждого из них в отдельности мы не можем определять как шизоида, но просто как людей своего времени, которые ошибались. И результатом творчества ученых было как развитие

науки, так и становление ложного мировоззрения. Например, и материализм, и эмпиризм дали много важного хотя бы в осмыслении фундаментальной роли практики в теории научного познания, которой античные ученые отводили очень мало внимания, даже такой «материалист», как Аристотель, ни во что ее не ставил. Но в конечном итоге материализм также оказался очень далек от данных опыта, как мы можем видеть в философии марксизма, а эмпиризм Юма привел к становлению мистической философии Канта и его немецких последователей, Фихте и Гегеля. Однако формальная логика пустых софизмов преобладала, и результатом нового времени стали громоздкие спекулятивные системы, оторванные от действительности. Шизоидные системы. Дарвинизм и немецкий идеализм стали тем теоретическим фундаментом, на которых выросли марксизм и гитлеризм. А последствия этой динамики нам всем хорошо известны.

52. Огюст Конт считал, что позитивный вклад второй стадии только в том, что она демонтирует невежество предыдущей мифологической стадии. На самом деле вторая стадия наряду с накоплением большого массива знаний принесла также тонны ложной информации, которая сильно усложнила процесс познания как таковой. «Чистить» этот когнитивный мусор предстоит не второй стадии, как думал Конт, а третьей, когда уже придет знание того, что такое настоящее научное мышление.

53. Важно помнить, что это великое многообразие спе-

кулятивных теорий – мусор, только пока они стоят на дороге научного мышления. Как только будет достигнуто согласие в научной методологии, а лишняя информация устранена из научного пространства, спекулятивные мистические теории станут экспонатами духовной истории человечества, как образцы изощренной гибкости человеческого ума, и будут весьма полезны для умственной зарядки.

Глава 3. Проблема рационализма. Эйнштейн и Бор

1. Проблема рационализма сводится к метафизике интеллекта в том смысле, в котором все рационалисты писали о мире идей как интеллектуальной форме космоса.

2. Рационализм утверждал не только «врожденные идеи» как активный интеллект человека, познающего мир, но и законы природы как пассивный интеллект интеллектуальной формы природы.

3. Рационализм – это философия идеализма в том смысле, что она предполагает «мир идей» Платона, как некий интеллектуальный дизайн вселенной, и Демиурга, который стоит за этим дизайном.

4. Однако важно помнить, что философия рационализма – это объективный идеализм, существо которого в метафизике интеллекта и двух ее полюсах, активном и пассивном интеллекте. Мышление (активный интеллект) и законы природы (пассивный интеллект) – это два полюса единой субстанции интеллекта. Именно поэтому мышление способно открывать и ставить под контроль законы природы, то есть познавать их.

5. Рационалисты называют активный интеллект (мышление) врожденными идеями человека, а пассивный интеллект

(законы природы) – миром идей Платона, законами природы Декарта и Спинозы, монадами Лейбница или интеллектуальной формой материи Фрэнсиса Бэкона.

6. Так или иначе, классический рационализм всегда предполагает метафизику интеллекта и два ее полюса: активный и пассивный интеллект.

7. Платон «Государство»: «Чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам. Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины».

8. У Декарта эти два полюса интеллекта представлены субстанциями мышления и материи, а у Спинозы это «модусы различных атрибутов Бога».

9. Виктор Беляев «Лейбниц и Спинозы»: «По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна».

10. В этом смысле философия Джордж Беркли – это рационализм классической метафизики интеллекта, поскольку это идеализм с активным и пассивным полюсами интеллекта и теорией познания как взаимодействия этих полюсов.

11. Джордж Беркли «Трактат о принципах человеческого знания»: «Но какую бы власть я ни имел над моими собственными мыслями, я нахожу, что идеи, действительно воспринимаемые в ощущении, не находятся в схожей зависимости от моей воли. Не суть создания моей воли. Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их. Те определенные правила и установленные методы, коими ум, от которого мы зависим, вызывает в нас идеи ощущений, называется законами природы. ... Это воспринимающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душою или мной самим. Дух есть простое нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется рассудком; как производящее их или иным способом действующее на них – волей. Этими словами я обозначаю не одну из своих идей, но вещь совершенно отличную от них, в которой они существуют или, что тоже самое, которой они воспринимаются. Все наши идеи, ощущения или вещи, воспринимаемые нами, под какими бы именами мы их не рассматривали, очевидно, неактивны, в них нет никакой силы или деятельности. Само бытие идеи подразумевает пассивность или инертность».

12. Также и Фрэнсис Бэкон пишет о метафизике интел-

лекта как активном и пассивном полюсах (мышления и законов природы), взаимодействие которых есть процесс познания истины (открытие законов природы). Он говорит в этой связи о «природе ума» и «природе вещей» и о «свадебном убранстве Духа и Вселенной».

13. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет . Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать данной природы, или истинное отличие, или производящую природу. Тот же, кто знает формы, – тот охватывает единство природы в несходных материях. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие. ... Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа вещей и что – природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благодати мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной». *метафизику, физику форму*

14. Конечно, есть существенное отличие в метафизике интеллекта Платона и, скажем, Бэкона. Платон уверен, что врожденных идей, то есть логики и математики, достаточно для познания. Бэкон и Декарт говорят уже об опытном знании. Об индукции и дедукции.

15. Для Платона «мир идей», интеллектуальная форма космоса – это мир совершенных вещей, идей конкретных вещей, «универсалий». Для Декарта, Бэкона и всех последующих рационалистов речь уже идет о законах природы.

16. «Мир идей» теперь мир законов природы, а вовсе не совершенных образов какого-либо класса вещей, универсалий, абстрактных идей.

17. Платон видел дуализм вселенной как идеального и материального миров, как формы и содержания, но не видел, как именно разделяется материя на форму и содержание. Он считал, что эта граница проходит между самими вещами и их идеальными образами, которые представляли «сущность» вещей. На самом деле идеальный мир представлен законами природы, вовсе не идеями вещей.

18. Успехи современной науки, сделавшей фундаментальные открытия в физике, химии, биологии, говорят о том, что законы природы – это законы природных энергий. То, что мы можем назвать сегодня научным знанием, всегда имеет дело с природными энергиями, представляя систему законов различных энергий, которые открывают доступ к силе этих энергий. Поэтому сегодня мы можем дать еще более точное определение миру идей Платона. Уже не просто законы природы, как у Декарта, Спинозы, Бэкона, но законы природных энергий.

19. Таким образом, законы природы в качестве «идей» не могут быть «сущностью» и «образами» конкретных ве-

щей. Идеи – сущность энергетического строения вселенной, показывают вселенную как энергетическую структуру, задуманную неким космическим интеллектом.

20. Аристотель критиковал «мир идей» Платона совсем с других позиций. Он опрокинул именно то, что было здорового в учении Платона, и совсем не заметил истинной ошибки. Он выступил против деления космоса на идеальную и материальную составляющую, на мир идей и мир вещей, заменив этот дуализм интеллекта и материи подлунным и надлунными мирами.

21. Каждая вещь имеет форму и вещество, говорит Аристотель, уникальна и реальна только в материальном мире. Вещи имеют форму, говорил он, а не идею, которая живет отдельно от самих вещей в каком-то трансцендентном мире. Эта его теория получила название «гилеморфизм», от греческих слов «вещь» и «форма». Ленин совершенно точно охарактеризовал критику Аристотелем Платона, как критику с «позиций материализма». Заменив два мира Платона (идеального и материального) на один материальный мир гилеморфизма, Аристотель уничтожил метафизику Платона. «Критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика идеализма как идеализма вообще», – говорит Ленин.

22. Между тем Бэкон пишет в «Новом органоне», что материализм Аристотеля несколько не сделал его философию эмпирической и объективной в истинном смысле этого слова. Напротив, он характеризует его философию как спеку-

лятивную мистику, как отвлеченные суждения, не имеющие ничего общего с действительностью.

23. Для нас же очевидно, что Аристотель разрушил метафизику интеллекта Платона и этим на много веков остановил прогресс научного знания.

24. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: и Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей метафизике он это вновь повторил под более торжественным названием, будто бы желая разбирать вещи, а не слова. Пусть не смутит кого-либо то, что в его книгах „О животных“, „Проблемы“ и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, и он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых по-

следователей (род схоластических философов), которые во- все отказывались от опыта». *софистика, эмпирика суеверие.*

25. Мы же критикуем Платона совсем с другой стороны, признавая абсолютную истинность открытого им дуализма: мира идей и мира вещей, то есть интеллекта и материи. Мы говорим об ошибке в понимании идей, в понимании формы и содержания материи. Мир идей, конечно, существует, но не в виде образов конкретных вещей, а в виде законов природных энергий. Поэтому мы, в отличие от Платона, не можем обойтись без необходимой связи теории и опыта в процессе познания: открытие законов природных энергий возможно только на основе индукции и дедукции.

26. Известно, что полемика Платона и Аристотеля стала пищей размышлений следующих двух тысяч веков для христианского и ирано-арабского миров. Спор о мире идей Платона и гилеморфизме Аристотеля все время возрождался в той или иной форме. Спорили об онтологии сущностей, о реализме и номинализме. Одни стояли за Платона и утверждали, что абстракции (универсалии), идеи существуют отдельно от самих вещей в виде их идеальных образов, а другие утверждали вслед за Аристотелем, что существуют только сами вещи, состоящие из уникальной формы и вещества, а всякие обобщения только абстракции разума. Понятно, что в споре никому не удалось победить, потому что вопрос был неправильно сформулирован. Разумеется, нет и не может быть идей и идеального мира, если идеи только образы кон-

кретных вещей. Но так ли обстоит дело для законов природы?

27. В конечном итоге просвещение поставило вопрос о законах природы. Френсис Бэкон прославился открытием метода индукции, обобщением законов природы из фактов опыта. Очень важный момент «Нового органа», о котором никто не упоминает в учебниках, состоит в том, что Бэкон пишет о законах природы как о «метафизике» и понимает эту метафизику уже не как примитивные платоновские образы вещей, а как законы природы. Таким образом, Бэкон не только разработал эмпирический метод познания, но и значительно продвинулся в построении платоновской метафизики, представив его мир идей как мир законов природы (а не образов конкретных вещей). Бэкон предупреждает против узости «плоского эмпиризма», как позже говорил Эйнштейн.

28. Развитие представления о мире идей Платона, об интеллектуальной форме космоса – только одна проблема рационализма. Сегодня мы можем уже вслед за Оствальдом говорить об энергетическом строении вселенной, об интеллектуальном дизайне материи в виде множества различных природных энергий. Это в свою очередь дает нам исчерпывающее представление о связи теории и практики, о достоверности теоретического знания. Если знание законов природы дает нам доступ к силе природной энергии, значит это знание достоверное. Например, у нас есть такое достоверное знание

в отношении механической, электрической, атомной, химической, биохимической энергий.

29. Другая проблема рационализма – фиктивный рационализм немецкой спекулятивной мистики. Без метафизики интеллекта идеализм превращается в мистику. Действительно, мы видели, что уже философия Канта, которая также претендует на идеализм и рационализм, разрушила метафизику интеллекта, упразднив представление о познании как взаимодействии активного и пассивного полюсов интеллекта.

30. Далее Фихте развил философию «законодательствующего разума» Канта в «чистую субъективность Я». И в философии Канта, и в философии Фихте нет места метафизике интеллекта как законов природы, с одной стороны, и аппарата мышления, «врожденных идей» для открытия этих законов природы, с другой стороны. Так, Куно Фишер пишет:

31. Куно Фишер «Фихте»: «Когда Я осознает свою полную свободу от объектов, то для него становится очевидным, что оно может определяться только самим собой, что оно находится во взаимодействии с самим собой и что, следовательно, если оно определяется каким-нибудь объектом, то оно само себя к этому приводит, т. е. „полагает само себя как определяемое через не-Я“. Но именно это и было основоположением теоретического наукоучения: теперь оно стало им для Я. Я уже не только теоретическое, но оно признает и познает себя как основу своего теоретического отноше-

ния. Этим теоретическое наукоучение заканчивает предначертанный ему путь и разрешает свою задачу. Я осознает себя как способность отвлекаться от всех объектов, как чистую субъективность, как Я, которое определяется только через самого себя».

32. Впоследствии Гегель, который ставил себе задачу преодолеть агностицизм Канта, тем не менее остался на позиции «чистой субъективности» Фихте, поскольку его философия также построена на разрушенной Кантом метафизике интеллекта.

33. Так, Гегель отрицает законы природы и ставит на их место принцип историзма и перехода количественных изменений в качественные. Он также отрицает и разум человека как аппарат мышления для открытия законов природы. В его понимании, как пишет Гулыга, субъект и объект смешиваются, природа оказывается только инобытием разума. («Две первые части своего труда (учение о бытии и учение о сущности) Гегель называет объективной логикой, третью – субъективной логикой. Но это противопоставление условно: объект и субъект для Гегеля тождественны. Поэтому и объективная, и субъективная логики являются в равной мере логикой и самих вещей и познающего их мышления».)

34. В конечном итоге его разум-абсолют – та же чистая субъективность Фихте или законодательствующий разум Канта. В нем нет ничего от метафизики интеллекта «свободы как осознанной необходимости законов природы» Спи-

нозы, на которую он претендует.

35. Арсений Гулыга «Гегель»: И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место отмирающей действительности занимает новая, жизне-способная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, – насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью. Следовательно, постичь то, что есть, – вот в чем задача философии, и как каждый из людей – сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. ... Гегелевская философия природы оставляет двойственное впечатление: в ней в равной мере представлены и достижения опытного знания, и плоды собственных раздумий, где гениальные догадки перемешаны с досужими вымыслами. Подчас одно трудно отделить от другого. Много лет спустя известный химик

и вольнодумец Оствальд острил по поводу подобного рода подхода к изучению природы. Как, спрашивал он, будут вести себя англичанин, француз и немец, если им предложат описать свойства верблюда. Англичанин отправится в Африку, застрелит животное, отдаст набить из него чучело, которое затем выставит в музее. Француз пойдет в Бутонский лес и, не обнаружив там верблюда, усомнится в его существовании. Немец же запрется в кабинете и будет конструировать свойства верблюда из глубины своего духа. Когда читаешь некоторые страницы «Энциклопедии», невольно приходит на ум эта шутка. И дело не в отдельных промахах Гегеля, не в звучащих порой, как анекдот, высказываниях, а в принципе, в третировании опытного знания, в твердом убеждении, что философская спекуляция дает ключ к решению всех проблем. Теория безгрешна, если факты ей не соответствуют, тем хуже для фактов. ... Философию Фихте и Шеллинга Шопенгауэр называл пустозвонством, Гегеля – шарлатаном. ... В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять. И требуется огромная смелость и доверие к самому себе, к своему рассудку, чтобы назвать все это бессмысленным шарлатанством. В гегелевской философии явственно заметно намерение добиться милости монархов сервильностью и ортодоксией. Ясность цели пикантно контрастиру-

ет с неясностью изложения и, как клоун из яйца, вылупливается в конце толстого тома, полного напыщенной галиматьи и бессмыслицы, благодарная салонная философия, которой учат уже в начальной школе, а именно – Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух, правильность евангелического вероисповедания, ложность католического и т. д. и т. п.»

36. Таким же фиктивным рационализмом является и диалектический материализм Маркса, поскольку его философия – только переложение диалектической логики Гегеля. Эта та же спекулятивная мистика, в основе которой разрушенная метафизика интеллекта. Жюльен Бенда пишет в «Предательстве интеллектуалов» о диалектическом методе и историзме Гегеля и Маркса как об откровенной мистике, уничтожившей рационализмом под именем «нового рационализма». О том же говорит Альбер Камю в «Бунтующем человеке», когда пишет, что рационализм Гегеля охвачен «дрожью безумия» и в конечном итоге иррационален.

37. Знаменитый спор Эйнштейна и Бора вскрыл другой аспект проблемы рационализма. Доступен ли активный интеллект, мышление, только человеку? Имеет ли «мир идей» Платона свое собственное пространство-время?

38. Альберт Эйнштейн был одним из самых известных рационалистов, который не раз публично заявлял о своей приверженности метафизике интеллекта Платона и Спинозы. Известно, что его оппонент в споре о квантовой механике, Нильс Бор, напротив, стоял на позициях эмпиризма (по-

зитивизма). До сих пор считалось, что Эйнштейн проиграл этот спор Бору, а вместе с ним сдал свои позиции и рационализм, уступив победу эмпиризму в их давнем противостоянии.

39. Два эксперимента подтвердили правоту Бора в споре с Эйнштейном. Эксперимент Юнга якобы доказал, что нет объективного наблюдения, что данные наблюдения всегда субъективны, потому что поведение квантов зависит от того, измеряют их или нет. А эксперимент Белла доказал нелокальность квантов, способность контактировать на скорости выше скорости света, что опровергает все законы физики (и теорию относительности), а значит, ставит под вопрос детерминизм (законы природы) в целом. Результаты экспериментов не оставляли сомнений в том, что Эйнштейн, который настаивал на том, что измерение не влияет на поведение квантов и что кванты не могут взаимодействовать на скорости, которая опровергает все прежние законы физики, оказался неправ. Пусть так. Но значит ли это, что вместе с Эйнштейном проиграл и рационализм? Какую философскую интерпретацию имеет эта проблема?

40. Манжит Кумар «Квант. Эйнштейн. Бор»: «Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а „копенгагенская интерпретация“ Бора – некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: „Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредо-

вых идей исключительно умного параноика. ... Полагаю, хорошо, что многое рассеивает мое внимание. Иначе размышления о квантах привели бы меня прямоком в сумасшедший дом“. „Принстон – сумасшедший дом... Эйнштейн – совсем чокнутый“, – написал Роберт Оппенгеймер в январе 1935 года. Тогда самому известному физическому-теоретику, воспитанному Америкой, был тридцать один год. Через двенадцать лет, уже человеком, возглавившим работы по созданию атомной бомбы, Оппенгеймер вернется в Институт перспективных исследований, чтобы руководить „сумасшедшим домом“ и населяющими его „солипсическими светилми, сверкающими в отделенном от мира и беспомощном уединении“. К этому времени Эйнштейн уже смирился с тем, что благодаря его критическому отношению к квантовой механике в Принстоне его „считают старым дураком“».

41. Эйнштейн провидчески заметил, что решение проблемы квантовой механики, на которой споткнулись они с Бором, придет вместе с решением какой-то более глобальной задачи. И оказался прав. Он говорил о метафизике интеллекта Платона и Спинозы, но никогда не подумал, что эта метафизика означает существование пространства-времени интеллекта. Его теория относительности доказала, что пространство и время составляют единое целое, единый континуум, а не независимы друг от друга, как думали раньше. Нам представляется, что энергетическая теория как нельзя лучше объясняет этот феномен уже с философских позиций

(прекрасное физическое обоснование он дал сам). Действительно, если вселенная – это пучок природных энергий, как утверждал Оствальд, то пространство – это воплощение этих энергий в конкретных вещах, а время – история движения этих энергий.

42. Духовная энергия человека отлична от прочих природных энергий. Она также детерминирована, как они законами природы, но способна также познавать эти законы и ставить их под научный контроль. Это контрольная энергия, имеющая доступ к активному интеллекту, к мышлению; тогда как все прочие энергии природы только детерминированные, им доступен только пассивный интеллект законов природы.

43. Контрольная энергия человека будет иметь особое пространство-время, то есть будет воплощаться не в вещах, а в знании о вещах; и будет иметь историей своего движения не физическую эволюцию космоса, а накопленные знания о законах природных энергий. Это особое пространство – время интеллектуальной энергии человека, духа, также отвечает теории относительности, будучи единым континуумом. Но это не физическое пространство-время, открытое Эйнштейном.

44. Если понимать эту метафизику, как пространство-время, то проблема решается сама собой. Было много попыток ответить на проблему фантазмагориями о множестве параллельных вселенных, о множестве других физических миров.

Однако это такая же чушь с точки зрения физики и здравого смысла. Но мир идей Платона, интеллектуальный мир, который существует как идеальный образ физического мира, как его форма, выраженная в законах энергий, – это очевидность, которую утверждали вместе с ним все рационалисты со времен Платона. Это скорее не параллельное, а перпендикулярное пространство, ось интеллектуального отражения вселенной.

45. Тогда у нас есть объяснение загадочному поведению квантов, которое не только не опровергает рационализма и детерминизма вселенной, но дает ему эмпирическое подтверждение. Кванты, фотоны света, мельчайшие частицы из которых состоит материя, – элементы интеллекта, создавшего материю и установившего законы природы. То есть получается, что на уровне самого глубинного исследования мы сталкиваемся со «светом интеллекта» в самом прямом смысле. Человек имеет активный интеллект – способность мышления. Кванты могут иметь свою разновидность активного интеллекта – пусть она не тождественна мышлению человека, пусть ее возможность много меньше или много больше, мы не можем знать. Они способны фиксировать, когда другой активный интеллект их измеряет и менять свое поведение в зависимости от этого. Менять с жесткой детерминированностью – либо волна, либо частица, ни шагу назад, ни шагу вперед. Понятно, что нелокальность квантов тогда объясняется их общением в пространстве-времени интел-

лекта, поскольку в пространстве-времени физического мира это невозможно.

46. Теория относительности пространства-времени Эйнштейна показала зависимость скорости часов от пространства, в котором они находятся. Теория относительности справедлива и для пространства интеллекта, у которого свои «часы», свое время. Эйнштейн в «Эволюции физики» говорит о «примитивном субъективном чувстве времени», которое нельзя сравнивать с физическими часами. Между тем именно это психологическое чувство времени, так отличное от физических часов, есть наше ощущение времени пространства интеллекта. Разве мы не чувствуем себя на все тысячи лет, которые охватываем своими познаниями? Мы гости в пространстве интеллекта, мы не можем знать его структуру и строение. Мы можем знать только то, насколько оно нам доступно. Мы способны открывать законы природы – и это наш доступ в пространство интеллекта. Мы способны накапливать знания – и это наше совокупное время, проведенное в пространстве интеллекта, часы, которыми мы измеряем длительность своего пути. Мы способны жить поисками истины и жертвовать для них нашей жизнью в физическом пространстве – и это время, которое мы проводим в пространстве интеллекта.

47. Но есть одно большое «но»: ложные теории настолько засорили пространство интеллекта, что даже дисциплинированным и трудолюбивым студентам почти невозможно туда

пробраться. А если удастся, то рывками, а нахождение там становится очень болезненным из-за мусора, который всячески мешает передвижению. Наша задача не только открыть для себя это пространство, но и расчистить его. Ибо только храм знаний может быть настоящей церковью человека, в духе и истине, как говорили великие мыслители. И только настоящие ученые, мыслители и духоборцы могут быть его святыми.

48. Глобальное открытие, которое прольет свет на проблему квантов, о котором говорил Эйнштейн, – это энергетика как теория познания, это пространство-время интеллекта, это, наконец, теория психической энергии.

Глава 4. Проблема эмпиризма. Юм и Ленин

К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры. Не знаю лучшего слова, чем «религиозность», для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижима для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма.

А. Эйнштейн

1. Спекулятивная мистика немецкого идеализма неявно разрушила метафизику интеллекта. Она продолжала настаивать на врожденных идеях, пусть в виде «априори» Канта или души как «сна духа-абсолюта» у Гегеля. Спекулятивная мистика не отказалась и от мира идей Платона в явном виде, настаивая на «мире ноуменов» у Канта или «абсолюте-разуме» в виде интеллектуального демиурга у Гегеля.

2. Метафизика интеллекта была разрушена неявно, поскольку формально врожденные идеи и мир идей не отрицались. Отрицалось понимание процесса познания как взаимодействия полюсов активного и пассивного интеллекта.

У Канта «априори» уже не врожденные идеи Платона, как единство «ума и умопостигаемого», а воображение, которое приписывает законы миру, не умея найти истину «вещей в себе».

3. Философия эмпиризма явно отказалась от метафизики интеллекта. Нет ни врожденных идей, ни законов природы, ни истины, ни возможности познавать мир.

4. Бертран Рассел «История западной философии»: «У Локка философское направление, зачинателем которого он был, разработано еще не полностью; он признает ценными доводы Декарта относительно существования Бога. Беркли выдвинул совершенно новый аргумент, а Юм, который завершил новую философию, отвергал метафизику полностью и считал, что ничего нельзя раскрыть рассуждением о предметах, с которыми имеет дело метафизика. Этот взгляд господствовал в эмпирической школе».

5. Дэвид Юм «О познании»: «Разве я не могу ясно и отчетливо представить себе, что у тела, падающего с облаков и во всех других отношениях похожего на снег тем не менее имеется вкус соли или жгучесть огня. Есть ли более понятное суждение, чем следующее: все деревья будут цвести в декабре и январе, а терять листья в мае и июне?»

6. Действительно, если метафизика интеллекта разрушена, если мы отрицаем интеллект как форму космоса, выраженную в законах природы, а разум человека, как часть этого интеллекта, способного к познанию и контролю этих законов

природы, то о какой истине и о каком познании может идти речь? Агностицизм, скептицизм есть прямое и необходимое следствие эмпиризма, поставившего своей задачей разрушить метафизику интеллекта.

7. Дэвид Юм, как центральная фигура эмпирической философии, сводит весь процесс познания к условным рефлексам Павлова. Люди, говорит он, ожидают связи между двумя объектами, например, снегом и холодом или огнем и теплом, просто из привычки. Это инстинкт, говорит Юм, не имеющий ничего общего с разумом. Павлов называл эти инстинкты условными рефлексам.

8. Дэвид Юм «О познании»: «От причин, с виду сходных, мы ожидаем сходных же действий; в этом суть всех наших заключений из опыта, между тем очевидно, что если бы это заключение делал разум, оно было бы столь же совершенным с самого начала, основываясь на одном примере, как и после длинного ряда опытов. Когда человек говорит „во всех предыдущих примерах я нашел такие-то чувственные качества соединенными с такими-то скрытыми силами“ и когда он говорит „сходные чувственные качества всегда будут соединены со сходными же скрытыми силами“, он не повинен в тавтологии, и суждения эти отнюдь не одинаковы. Вы говорите, что одно суждение есть заключение, выведенное из другого, но вы должны согласиться с тем, что это заключение не интуитивно, однако и не демонстративно. Какова же в таком случае его природа? ... Всякая вера в факты

или реальное существование основана исключительно на каком-нибудь объекте, имеющимся в памяти или восприятии, и на привычном соединении его с каким-нибудь другим объектом. Подобная вера есть необходимый результат, возникающий, как только ум поставлен в указанные условия. Все эти операции – род природных инстинктов, которые не могут быть ни вызваны, ни предотвращены рассуждением или каким-либо мыслительным и рассудочным процессом».

9. Карл Поппер пишет в этой связи, что Юм трактовал философию рационализма не просто как веру, но как «иррациональную веру», то есть заблуждение, не имеющее ничего общего с действительностью.

10. Карл Поппер «Объективное знание»: «В результате полученных Юмом выводов он – один из самых рационально мыслящих людей в истории – превратился в скептика. Его вывод, что повторяемость не имеет совершенно никакой доказательной силы, хотя и играет доминирующую роль в нашей когнитивной жизни, привел его к заключению, что наш разум играет лишь незначительную роль в процессе понимания. Обнаруживается, что наше «знание» носит характер не просто верования, а верования, не поддающегося рациональному обоснованию, – иррациональной веры. Заключение Юма с еще большей силой и безнадежностью сформулировал Бертран Рассел в своей книге «История западной философии». Рассел говорит о юмовской трактовке индукции: «Юмовская философия отражает банкротство рационализ-

ма XVIII века», и далее: " Поэтому важно выяснить, существует ли вообще ответ на проблему Юма в рамках философии, являющейся целиком или преимущественно эмпирической. Если нет, значит с точки зрения интеллекта нет никакой разницы между здравым умом и безумием. Безумца, считающего себя яйцом-пашот, можно осудить исключительно на том основании, что он находится в меньшинстве...» Далее Рассел утверждает, что если отвергнуть индукцию, то «всякая попытка прийти к общим научным законам, исходя из отдельных наблюдений, оказывается ложной и эмпирик никуда не может уйти от юмовского скептицизма»».

11. Ленин в своей известной книге «Материализм и эмпириокритицизм» обвиняет эмпириков в субъективизме и агностицизме, в том, что они уничтожили понятие «объективной реальности», а вместе с ней процесс познания как таковой.

12. Однако, как мы могли видеть, отказ от метафизики интеллекта необходимо ведет к отрицанию объективной реальности, истины и познания. Ленин вслед за Марксом отказывается от метафизики интеллекта, но упорно стоит за сохранение «объективной реальности». В этом философия эмпиризма много последовательнее и логичнее, чем материализм марксистского толка.

13. Владимир Ленин «Материализм и эмпириокритицизм»: «Но совершенно непозволительно смешивать, как

это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией – смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) со старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п. Мах „открыл элементы мира“: красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорят нам. Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый-престарый философский вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм, в заслуженные вами объятия имманентов, т. е. философских Меньшиковых. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может „устареть“, есть есть бессмысленное повторение доводов модной философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии?»

материя. младенческий лепет, реакционной

14. Ленин, как мы видим, считает, что понятие для «объ-

ективной реальности» есть материя, тогда как метафизика интеллекта Платона только «младенческий лепет» и суеверия «леших и домовых». Между тем все попытки ленинского материализма дать определение процессу познания замыкаются в известной тавтологии. Материя – то что копируется в ощущениях человека, а сознание – это мозг, как высшее свойство материи. Понятно, что этот тот же гегелевский разум-абсолют, который сам устанавливает законы и сам их познает. В этом смысле эмпирики совершенно справедливо называли материалистов мистиками. Потому как, если доводить мысль Ленина об отражении материи в материи до конца, то места «объективной реальности» в его философии также не остается, как и в философии эмпириков. Отражение есть субъективное восприятие, которое ничего не скажет о «вещи в себе». И только метафизика интеллекта предполагает объективную реальность.

15. Философия эмпиризма принесла еще более разрушительные следствия, чем философия спекулятивной мистики немецкого идеализма (включая марксизм-ленинизм).

16. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Эмпирическая школа философов выводит еще более нелепые и невежественные суждения, чем школа софистов или рационалистов, потому что эти суждения основаны не на свете обычных понятий (кои хотя и слабы и поверхностны, но все же некоторым образом всеобщи и относятся ко многому), но на узости и смутности немногих опытов. И вот, такая фи-

лософия кажется вероятной и почти несомненной тем, кто ежедневно занимается такого рода опытами и развращает ими свое воображение; всем же остальным она кажется невероятной и пустой. Но пренебречь предосторожностью против такого рода философий не следует. Ибо я уже предчувствую и предсказываю, что если люди, побужденные нашими указаниями и распростившись с софистическими учениями, серьезно займутся опытом, то тогда вследствие преждевременной и торопливой горячности разума и его стремления вознестись к общему и к началам вещей, возможно, возникнет большая опасность от философий этого рода».

17. Уже Дэвид Юм упразднил «субстанцию Я», как автономный от биологии психический мир, «психическую субстанцию» Карла Ясперса. Он же свел процесс познания к условным рефлексам Павлова. Огюст Конт упразднил науку психологию, так как «сознание» (психическая субстанция) показалось ему слишком метафизической категорией, чтобы быть объектом научного исследования. В итоге, Гордон Олпорт вынужден был констатировать, что сознание, дух, психическая субстанция выпали из поля зрения научного исследования.

18. Гордон Олпорт: «Полный упадок понятия души и частичный упадок Я произошел, в частности, как я уже сказал, благодаря росту позитивизма в психологии. Позитивизм, как всем нам известно, является программой морального перевооружения, императивы которой включают абсолютный

монизм, абсолютную объективность и абсолютный редукционизм, – короче говоря, абсолютную непорочность. С этой аскетической точки зрения субъективные убеждения подзрительны, Я выглядит несколько неприлично, а любой намек на метафизику (то есть непозитивистскую метафизику) отдает слабостью. Как пояснил Гарднер Мэрфи, из психологии Я престижа не извлечешь».

19. Джон Милль, который восхищался иерархией наук Конта и его философией истории, говорит в своей книге о позитивизме, что ему «стыдно» за представления Конта о сознании человека, о науке психология. Он говорит, что Конт ставил своей задачей сделать вклад в изучение духа, что видно из его теории трех стадий мышления, но в итоге он нисколько не продвинулся в вопросе, резюмирует Милль. «Какое же орудие предлагает Конт для изучения „моральных и интеллектуальных функций“ взамен психологии, им отвергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами как на освобождение науки о человеке из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным,

если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы. Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе».

20. Из этого «плоского эмпиризма», согласно удачному выражению Эйнштейна, произошло то упразднение духа, духовной энергии человека, которое стало погибелью современной социальной науки. Из него возникли биологические теории сознания человека, которые сводят дух к инструменту биологического выживания, как в дарвинизме, бихевиоризме, марксизме или фрейдизме. Из него возникла кантианская идея особенности социальной науки, которая воплотилась в трудах Риккерта, Дильтея, Вебера, Тойнби. Из него возникла философия антиинтеллектуализма, которая стала «философским самоубийством» научной традиции запада. Все то, одним словом, что Жюльен Бенда так удачно обозначил, как «предательство интеллектуалов», Ален Финкелькраут – как «поражение мысли», а Альбер Камю – как «философское самоубийство».

21. Философия эмпиризма разрушила Пространство интеллекта, то самое пространство, в котором движется духовная энергия человека, его сознание, «психическая субстанция».

22. Это Пространство интеллекта вымощено знаниями законов природы. Психическая энергия человека, проявляющаяся как страсть к познанию, движется в этом пространстве, открывая новые законы природы и изучая уже известные человечеству, передавая из поколения в поколение накопленные знания.

23. Если разрушить это Пространство движения духовной энергии человека, если сводить в теории дух к инструменту биологического приспособления, – дух, конечно, не перестанет существовать. Но он ослабнет настолько, что под вопрос будет поставлена вся человеческая цивилизация, все бытие человека, в основе которого его духовная энергия.

24. Поэтому люди с мощной духовной энергией говорят о «потере дома», о том, что они «чувствуют себя не на своем месте». Ведь Пространство интеллекта действительно Дом духовной энергии.

25. Александр Герцен «С того берега»: «Мне хочется не магии, не мистерии, а просто выйти из того состояния души, которое вы сейчас представили в десять раз резче меня; выйти из нравственного бессилия, из жалкой неприлагаемости убеждений, из хаоса, в котором, наконец, мы перестали понимать, кто враг и кто друг; мне противно видеть, куда ни обернусь, или пытаемых, или пытающих. ... От всех упований, от всей жизни, которая прошла между рук (да еще как прошла), если что-нибудь осталось – это вера в будущее. Когда-нибудь, долго после нашей смерти, дом, для которого мы

расчистили место, выстроится, и в нем будет удобно и хорошо – другим».

26. Лев Толстой «Исповедь»: «В поисках за ответами на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек. Вышел на поляну, влез на дерево и увидел ясно беспредельные пространства, но увидел, что дома там нет и не может быть; пошел в чащу, во мрак, и увидел мрак, и тоже нет и нет дома».

27. Жан-Поль Сартр «Тошнота»: «Я молчу, я принужденно улыбаюсь. Официантка приносит мне на тарелке ломтик похожего на мел камамбера. Я оглядываю зал, и меня вдруг охватывает неопиcуемая гадливость. Что я тут делаю? Чего ради ввязался в спор о гуманизме? Зачем эти люди здесь? Зачем едят? Правда, они не знают, что они существуют. Мне хочется уйти, убраться туда, где я в самом деле окажусь НА СВОЕМ МЕСТЕ, на месте, где я прийдусь как раз кстати... Но такого места нет нигде, я лишний».

Глава 5. Проблема материализма и дарвинизма. Дарвин и Спенсер

1. Эмпиризм и материализм – с одной стороны, кантианство и феноменология – с другой стороны породили, как мы говорили выше, проблемы двоякого рода для исследования духа. Если эмпиризм и материализм вообще вычеркнули духовную жизнь человека из объектов научного исследования, то кантианцы и феноменологи стали вольно трактовать эту духовную жизнь, считая себя свободными от поисков законов психики. Тем не менее, те ростки науки о духе, которые у нас сегодня есть, произросли на почве кантианства, которое стало той отдушиной, через которую они спаслись от материализма и уцелели. Это науки о духе Дильтея, гуманистическая психология Маслоу, Фромма и Хорни, психология Ясперса, философия Бенды. Кантианство сделало науки о духе бессильными, часто ложными, эмпиризм и материализм вообще исключил их из повестки дня.

2. Вульгарным биологизмом, как мы помним, страдала социология Огюста Конта, который сводил к «стыду» Джона Милля науку о сознании к френологии; вульгарный биологизм в основе диалектического материализма Маркса; на вульгарном биологизме построена теория сексуальных инстинктов Фрейда и теория условных рефлексов Павлова

и Скиннера (бихевиоризм), редуцирующих сознание к совокупности условных рефлексов; и наконец, вульгарный биологизм в основе «Происхождения человека» Чарльза Дарвина.

3. Чарльз Дарвин: «Происхождение человека»: «Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых или предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную натуру».

4. Биологизм материализма представляет собой попытку свести всю духовную активность человека, его сознание и психику к задачам биологического выживания и трактовать таким образом психику как инструмент, орган биологического выживания наряду с другими членами организма, таким как печень или мускульная система. Следствием этого подхода является теория научного эгоизма, которая рисует людей агрессивными индивидами, сражающимися друг с другом за место под солнцем. Такая точка зрения характерна и для марксизма с его смертельной борьбой классов, и для фрейдизма, понимающего человека как зверя с поверхностным слоем культуры, и тем более для дарвинизма с его теорией естественного отбора и выживанием сильнейшего.

5. Только Конт был непоследователен в своем биологизме и вопреки своей склонности ставить на место сознания

мозг (френология) заявил, что человечество движется в противоположном направлении, от эгоизма к альтруизму, и что достижение человечеством стадии альтруизма будет говорить о культурной и этической зрелости человечества. Ему мы обязаны введением дихотомии «эгоизм – альтруизм». Такое же противоречие между биологизмом и вытекающей из него теорией научного эгоизма мы находим у одного из самых известных последователей Огюста Конта – английского позитивиста Герберта Спенсера. У Спенсера также уживаются две несовместимые теории – социальный дарвинизм и теория нравственной эволюции, которая закончится победой альтруизма над эгоизмом.

6. Так, Эрих Фромм писал в «Анатомии человеческой деструктивности»: «Скиннера не волнует проблема страстей, ибо он считает, что человек всегда ведет себя так, как ему полезно. И на самом деле общий принцип необихевиоризма состоит в том, что идея полезности считается самой могущественной детерминантой человеческого поведения; человек постоянно апеллирует к идее собственной пользы, но при этом старается вести себя так, чтобы завоевать расположение и одобрение со стороны своего окружения. В конечном счете бихевиоризм берет за основу буржуазную аксиому о примате эгоизма и собственной пользы над всеми другими страстями человека».

7. Альтернативой мировоззрению вульгарного биологизма исторически была метафизика древних греков – Пифа-

гора, Сократа, Платона, – много рассуждавших о свободном разуме, духе и сознании. 8. Позже рационализм и дуализм Декарта, Спинозы, Лейбница, которые вслед за Платоном разделяли идеальный и материальный миры. В данном случае доктринальный монизм Спинозы или монадология Лейбница – несущественные детали, поскольку мы говорим о том, что эти мыслители выделяли духовную деятельность в самостоятельный род активности, независимый от биологического функционирования человека.

9. Виктор Беляев в книге «Лейбниц и Спиноза»: «По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна».

10. И, конечно же, мировые религии, которые зарождаются в осевое время Ясперса, имеют в основе своих представлений о мире разделение духовной и биологической активности человека. Нам важно отметить этот факт на данном этапе: два рода мировоззрений. Одно биологическое, которое сводит всю активность к животному функционированию; другое дуалистическое, которое выделяет психическую деятельность в самостоятельный род активности, связанный с духовной энергией человека, с его разумом и совестью.

11. Спиноза вслед за Декартом («мыслю, следовательно, существую») и Платоном говорит о том, что душа человека (духовная энергия, психика) имеет самостоятельное существование, относительно независимое от тела, и что суть этого существования в мышлении и познании. Поиски истины ради самой истины.

12. Спиноза «Этика»: «Поэтому последняя цель человека, руководствующегося разумом, т. е. высшее его желание, которым он старается умерить все остальные, есть то, которое ведет его к адекватному постижению себя самого и всех вещей, подлежащих его познанию. Поэтому нет разумной жизни без познания, и вещи хороши лишь постольку, поскольку они способствуют человеку наслаждаться духовной жизнью, состоящей в познании. И наоборот, только то, что препятствует человеку совершенствовать свой разум и наслаждаться разумной жизнью, мы называем злом».

13. Вольтер и Руссо, враждовавшие до конца жизни, в том числе расходились и во взглядах на природу человека. Если Вольтер прямо пишет в своих философских повестях, что человек не более чем животное и стоит таким образом на позициях материализма, то Руссо напротив, со всей свойственной ему страстью доказывает справедливость дуализма метафизиков, отделявших дух и тело как две самостоятельные субстанции:

14. Жан-Жак Руссо «Эмиль»: «Пусть мне покажут другое на земле животное, которое умеет пользоваться огнем

и заставит восхищаться солнцем. Как! Я могу наблюдать, познавать существа и их отношения, могу чувствовать, что такое порядок, красота, добродетель, могу созерцать Вселенную, подняться до руки, ею управляющей, могу любить добро и творить его – и после этого мне равняться со зверями! Низкая душа! Это твоя мрачная философия делает тебя подобным зверям; или, скорее сказать, ты тщетно хочешь унижить себя: твой гений свидетельствует против твоих принципов, твое благожелательное сердце обличает твое же учение, и даже твое злоупотребление своими способностями, к твоей досаде, доказывает их превосходство».

15. Другой бунт такого рода против засилья материализма, уничтожающего духовную энергию человека, представляет книга Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов». Он пишет о том, как материализм и иррационализм Маркса, Ницше, Бергсона, Бретона, Сореля и других уничтожил метафизику интеллекта, добродетель и этику вместе с интеллигенцией. «Бунтующий человек» Альбера Камю, «Записки из подполья» Достоевского, где главный герой восстает против дарвинизма и позитивизма. Против Достоевского выступили Лев Шестов и Владимир Набоков; на его защиту встал Гайто Газданов, книги которого пропитаны этим дуализмом духовного и биологического. Бертран Рассел писал по поводу фрейдизма, редуцировавшего мыслительную деятельность к сексуальным инстинктам, с большим сарказмом:

16. Бертран Рассел «Брак и мораль»: «Наука, таким образом, за исключением соответствующих ответвлений биологии и физиологии, должна рассматриваться как лежащая вне сферы влияния сексуальных инстинктов. Поскольку Император Фредерик Второй уже мертв, нашему мнению суждено оставаться более или менее гипотетическим. Если бы он все еще жил, он бы без сомнения решил проверить справедливость гипотезы, приказав кастрировать самых выдающихся математиков и композиторов, чтобы посмотреть, как удаление половых органов скажется на их умственных способностях. Я полагаю, что на математиков бы это не возымело никакого эффекта, а композиторам был бы нанесен существенный урон. Таким образом, постольку поскольку жажда знания является одной из самых существенных составляющих человеческой природы, очень важная часть деятельности человека вне зоны влияния сексуальности».

17. Бертран Рассел «Образование и здоровое общество»: «Прежде всего индивид подобно монадам Лейбница должен отражать мир. Почему? Я не могу привести других причин кроме тех, что знание и способность объять сознанием вселенную представляются мне достойными восхищения, в связи с чем я предпочитаю Ньютона устрице. Человек, который всегда сконцентрирован и чье сознание искрится как в камер-обскура, отражая глубины космоса, эволюцию солнца и планет, геологический возраст земли, и краткую историю человечества, представляется мне выполняющим исключи-

тельно человеческую миссию, максимально разнообразя потенции природы. Знание, эмоции и сила контроля – все это должно быть максимально развито в стремлении к совершенствованию человечества».

18. Разделились мнения ученых в школе психоанализа Фрейда: сам Фрейд стоял за вульгарный биологизм, который так забавлял Бертрانا Рассела, но его ученики (Эрих Фромм, Карл Юнг, Карен Хорни, Альфред Адлер) выступили против редуцирования человека к эгоизму биологических инстинктов.

19. Абрахам Маслоу: «Не только вся наука XIX века и ортодоксальная академическая психология не способны ничего предложить, но и основные теории мотивации, которыми руководствуется большинство людей, могут привести к депрессии и цинизму. Фрейдисты, по крайней мере в своих официальных трудах, до сих пор редуционистски трактуют все высшие человеческие ценности. Самыми глубинными и подлинными мотивами считаются опасные и отвратительные, в то время, как высшие человеческие ценности и добродетели считаются в своей основе фальшью, иллюзией, замуфлированными вариантами „глубинного, темного и грязного“».

20. Абрахам Маслоу «Мотивация и личность»: «История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог

знает, сколько людей повторили судьбу Галилея».

21. Гуманистическая психология в лице Фромма, Хорни, Юнга, Адлера, Франкла, Роджерса, Олпорта, Маслоу противопоставила биологизму и эгоизму фрейдистов и бихевиористов теорию «метамотивации», «самоактуализации», где раскрывается гуманистическая, разумная природа человека, закономерности которой не сводятся к биологическому выживанию.

22. Так, Эрих Фромм писал в «Человек для себя»: «Большую часть человеческих страстных влечений невозможно объяснить силой инстинктов. Даже при полном удовлетворении голода, жажды и сексуальных влечений «он», человек, не удовлетворен. В противоположность животному, у человека самые непреодолимые проблемы этим не разрешаются, а с этого только начинаются. Он стремится к власти, или к любви, или к разрушению, он рискует своей жизнью ради религиозных, политических или гуманистических идеалов, и эти стремления как раз и составляют то, что определяет и характеризует особенность человеческой жизни. И правда, «не хлебом единым жив человек».

23. Гордон Олпорт: «Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения – творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача

Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».

24. Сегодня научным мировоззрением все еще признается доктрина вульгарного биологизма, которая редуцирует психическую деятельность человека до обслуживания биологических инстинктов. Таким образом, если схоласты превратили разум в «служанку теологии», то современная катастрофа в социальной науке связана с редуцированием разума к функции «служанки биологии».

25. Успех «Происхождения человека» Дарвина – одна из главных причин того бедственного положения, в котором сегодня находится гуманитарная (социальная) наука. И этим успехом он обязан не только победе эмпиризма и материализма, но и другой своей теории, которая не имеет никакого отношения к происхождению человека. Это его теория эволюции. Известно, что Альфред Рассел Уоллес опубликовал теорию эволюции одновременно с Дарвином. Известно также, что Уоллес был против распространения теории эволюции на происхождение человека и что Дарвин жестко отчитал его за это в письме: «Одумайтесь, пока вы окончательно не убили своих и моих детей». Между тем, Дарвину следовало прислушаться к Альфреду Расселу Уоллесу, который

говорил, что человек имеет разум и это делает его качественно отличным от животного.

26. Как раз с такой постановкой вопроса Дарвин был категорически не согласен. Он пишет в «Происхождении человека», что недопустимо разделять мир животных и мир людей на «два царства», качественно различных, потому что между человеком и животным различия только количественные. Разум и те, и другие используют только как инструмент приспособления к среде, как орудие адаптации, но у человека больше развито это орудие, а у животных другие, такие как клыки и ловкость, например.

27. Дарвин «Происхождение человека»: «Некоторые естествоиспытатели, находясь под сильным впечатлением высоты умственных и духовных дарований человека, разделили весь органический мир на три царства: человеческое, животное и растительное, отдавая, таким образом, человеку особое царство. Духовные силы не могут быть сравниваемы и классифицируемы натуралистами; но последние могут стремиться доказать, как сделал и я, что умственные способности человека и низших животных не отличаются по своему качеству, хотя и отличаются неизмеримо по степени. Различие же в степени, как бы оно ни было велико, не дает нам права относить человека к отдельному царству. Это лучше всего можно видеть из сравнения способностей двух насекомых, кошенили и муравья, которые принадлежат, бесспорно, к одному классу. Здесь различия больше, хотя и несколько

иною рода, чем между человеком и высшими млекопитающими. А между тем никому и не снилось никогда относить их в разные классы, тем менее в отдельные царства».

28. Для Дарвина очень характерно такое подчеркивание разницы в умственном развитии между различными видами животных или различными типами людей с одной стороны и разницы в умственном развитии между лучшими животными и худшими людьми с другой стороны. Он уверяет, что первое много больше второго, и на этом строит свое доказательство отсутствия качественных различий между человеком и животным. Если «кошенили и муравьи» больше отличаются друг от друга, чем обезьяна и человек, или если Ньютон и абориген больше отличаются друг от друга, чем обезьяна и человек, то, считает Дарвин, различия только количественные.

29. Дарвин «Происхождение человека»: «Но можно показать, что основной разницы в общем характере умственного склада между человеком и животным не существует. С другой стороны, мы должны согласиться, что различия между одной из низших рыб и одной из высших обезьян гораздо значительнее, чем между человеком и обезьяной. ... Точно также нельзя назвать ничтожной разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром. Различия подобного рода между величайшими людьми наиболее развитых рас и последними из варваров тоже связаны между

собой тончайшими переходами. Поэтому можно думать, что они переходят одно в другое и развиваются постепенно».

30. Насколько его позиция неприемлема для рационалистов, которые отделяют дух от тела, как две самостоятельные независимые субстанции, можно видеть из этого отрывка из «Рассуждений о методе» Декарта, который Ноам Хомский приводит в своей книге: «Разница между человеком и животным выясняется, как мы видим, теми же двумя способами. Примечательно, что не существует человека настолько пустоголового и тупого, включая и сумасшедших, чтобы связав различные слова, не передать речью мысль, доступную понимания собеседника; и наоборот, нет никакого другого животного, включая лучших в своем виде и рожденных в самых счастливых условиях, способных сделать хоть что-то похожее. И виновато здесь не строение органов, потому что сороки и попугаи могут, как известно, произносить слова нашего языка, но не могут говорить как мы, то есть обнаруживать в словах свои мысли. Тогда как люди глухонемые от рождения, хотя органами речи способны пользоваться не лучше животных, изобретают обыкновенно знаки, посредством которых могут объясниться с теми, кто найдет время, оставаясь в их обществе, изучить их язык. Это доказывает не просто, что у животных разума меньше, чем у людей, но что животные вовсе лишены разума. Ведь известно, как мало ума требуется, чтобы научиться говорить».

31. Дарвин вслед за Декартом вынужден признать, что

к членораздельной речи способны только люди и что такая способность есть свойство разума, дарованному человеку. Но продолжает настаивать, что разница между человеком и животным только количественная.

32. Чарльз Дарвин «Происхождение человека»: «Членораздельная речь, однако, свойственна одному человеку. Тот факт, что высшие обезьяны не пользуются своими голосовыми органами для речи, зависит, несомненно, от недостатка развития их ума. На вопрос, почему у обезьян умственные способности не развились до той же высоты, как у человека, можно ответить только указанием на общие причины, и было бы бесполезно ожидать более определенного ответа ввиду недостаточности наших знаний о последовательных ступенях развития, через которое прошло каждое существо».

33. Всеми путями Чарльз Дарвин старается доказать качественное единство человека, утверждая, что животные также обладают разумом, как и люди, и также используют разум для адаптации к среде, несмотря на очевидную нелепость и противоречие фактам подобных заявлений. Достаточно уже того, что животные не способны к речи, чтобы доказать, что у них нет и не может быть мышления.

34. Однако то упорство, с которым философия антиинтеллектуализма и материализма стирала понятие интеллекта как постижения законов природы, в конечном итоге сделало подобные утверждения правдоподобными. Смешно говорить о том, что разум человека – это научное исследо-

вание, а потом сравнивать его с возможностями животных, не умеющих даже говорить. Смешно говорить, что разум человека – это абстракции формальной логики, склонность к шизоидности, а потом искать параллели с «разумом» животных. Смешно, наконец, сравнивать первобытных людей, аборигенов, пропитанных мистикой и сверхъестественным страхом с животными, которые не подвержены подобным глупостям и всегда следуют своим инстинктам. Но не для Дарвина. Он находит в себе наглость и невежество говорить об ученых животных и о мистифицированных собаках, обожествляющих своих хозяев, по тому, как аборигены обожествляют природу в тотемизме.

35. И все же он признает, что не может дать биологического объяснения нелепому поведению первобытных людей, которые действуют вопреки своему выживанию, хотя много умнее даже самых умных обезьян. Конечно, не может, потому что биологического объяснения нет! Есть только психологическое объяснение, о котором мы будем говорить в другой главе. А вот на том, что человек и медведь или слон одинаково умеют философствовать, потому что он видел, как они двигали хоботом или палкой к себе корку хлеба, он настаивает.

36. Дарвин «Происхождение человека»: «Известный этнолог Уэстроп извещает меня, что он видел в Вене, как медведь умышленно приводил лапой в движение воду в бассейне близ самой клетки, чтобы образовавшееся течение при-

влекло к нему кусок хлеба, плававший в воде. Эти движения медведя и слона вряд ли можно приписать инстинкту или унаследованной привычке, ибо они едва ли могли бы пригодиться животному, живущему на воле. Какая же разница между подобными действиями, когда их совершает дикарь или какое-либо из высших животных? Дикарь, конечно же не стал бы рассуждать, на каких законах основано желательное для него движение, и тем не менее поступок свой он совершал бы с помощью грубого процесса рассуждения столь же верно, как и философ после длинного ряда логических рассуждений».

37. В своей биографии Дарвин писал об отвращении к математике и поэзии, вообще к абстрактной мысли. Это, конечно, объясняет, почему он так низко ценит способности к рассуждению философов и готов сравнивать Ньютона и Шекспира с разумными обезьянами. Из рассуждений Дарвина о разуме как инструменте борьбы за выживание прямо следует «эволюционная эпистемология» Поппера, столь актуальная сегодня.

38. Так, Дарвин пишет там же: «Мы можем видеть, что в самом грубом состоянии общества личности, наиболее смысленные, изобретавшие и употреблявшие наилучшим образом оружие и западни и наиболее способные защищать самих себя, должны были производить наибольшее потомство. Племена, заключавшие наибольшее число таких даровитых людей, должны были увеличиваться в числе и вытеснять дру-

гие племена. ... И в настоящее время образованные народы повсюду вытесняют дикарей, за исключением тех местностей, где климат представляет непреодолимые препятствия; и успех зависит здесь главным образом, хотя и не исключительно, от технических изделий, которые в свою очередь суть продукты разума. Следовательно, очень вероятно, что у людей умственные способности постепенно совершенствовались путем естественного отбора».

39. Также и Поппер пишет в своей теории эволюционной эпистемологии, что «выживают» только лучшие теории, которые постоянно конкурируют между собой. Для Поппера, как для всякого эмпирика и позитивиста, законов природы и мышления человека, способного постигать истину, реальность, открывая законы природы, не существует. Есть только субъективные интерпретации различных людей, которые выдумывают конкурирующие теории. На каждом этапе побеждают одни, но на другой теории придут новые победители, потому что истины не существует. Так, подобно тому, как Дарвин понимает интеллект как способность «выживать», так Поппер понимает прогресс науки как «выживание» конкурирующих теорий. Сходные теории развили другие материалисты – Томас Кун, Мишель Фуко, Клод Леви-Стросс.

40. Карл Поппер «Объективное знание»: «Наши усилия отличаются от усилий животного или амебы лишь тем, что наша веревка может найти зацепку в мире критических дискуссий – мира языка, объективного знания. Это позволяет

нам отбросить некоторые из наших конкурирующих гипотез. Так что, если нам повезет, мы сможем пережить некоторые из наших ошибочных теорий (а большинство из них являются ошибочными), в то время как амеба погибает вместе со своими теориями, со своими убеждениями и своими привычками».

41. Такое стирание границ между человеком и животным, равносильное отказу человеку в мыслительных способностях, не могло не сказаться на тяжелых для человечества последствиях. Утверждения Огюста Конта и Герберта Спенсера о том, что человечество движется в своем нравственном развитии от эгоизма к альтруизму, утонули в громогласном провозглашении теории научного эгоизма более последовательными эмпириками и материалистами. Ведь именно теория научного эгоизма логично следует из позиции материализма.

42. Так, Фрейд писал в «Неудобствах культуры»: «Поскольку культура требует весьма значительных жертв не только от сексуальности, но и от агрессивной склонности человека, мы лучше понимаем, почему человеку трудно чувствовать себя счастливым в ней. В самом деле, первобытному человеку ощутить счастье было легче, ибо он не знал никаких ограничений влечений».

43. Уже маркиз де Сад, первый знаменитый «сатанист», провозгласивший культ зла и преступления, строит свои шизоидные силлогизмы на посылах материализма, животной

природы и эгоизма, которые эта животная природа предполагает. Он знал и почитал Вольтера и показал, к чему может привести подобный цинизм, если довести его до логического конца. Это противопоставление христианской морали и культа эго, которое отчетливо видно у Ницше, Сада, у современных социальных дарвинистов вырождается в открытый культ против разума и добродетели.

44. Так, американский сатанист Ла-Вей, насчитывающий несколько миллионов последователей, глава официальной Церкви Сатаны, пишет, что его «Книга Сатаны» основана на теории происхождения человека Дарвина, что это бунт против немощного распятого Христа и гимн материализму и гедонизму.

Википедия «Современные сторонники социального дарвинизма»: «Сторонники современного сатанизма описывают себя как сторонников социального дарвинизма и евгеники. Сатанинская Библия создана Антоном Ла-Вей, основателем Церкви сатанизма в XX веке. Социал-дарвинистские идеи представлены всюду в этой Библии, Антон Шандор Ла-Вей описывает сатанизм как «религию, основанную на универсальных чертах человека», и люди описаны в его Библии как всецело плотские и как животные. Каждый из семи смертельных грехов описан им как естественный инстинкт человека и таким образом оправдан. Идеи социального дарвинизма имеют особое значение в «Книге Сатаны», где Ла-Вей использует идею Рагнера Редберда: «Сила есть право», хотя эту

идею можно найти повсюду в ссылках на врожденную силу человека и инстинкт самосохранения. Сатанизм Ла-Вея есть «обобщение Маккиавелевского личного интереса».

45. Хотя ряд авторов отрицает очевидный факт приверженности Гитлера теории социального дарвинизма, на этот счет написана не одна монография. Гитлер прямо заявил, что теория военного прогресса Дарвина уничтожает все предшествующие теории гуманизма и объявляет право сильного – единственным законом человеческого общества. Он говорит в своей книге, что не может быть сомнения в том, что существование человечества требует тяжелой борьбы, так как война делает человека человеком; что в последнем счете людьми движет только инстинкт самосохранения, то есть выживание сильнейшего в борьбе за место под солнцем; что под давлением этого инстинкта вся так называемая человечность, (дурачки-гуманисты), которую он сводит к глупости, трусости и самомнению, тает как снег, что, наконец, человечество стало великим в вечной борьбе и деградирует при существовании вечного мира.

46. Совершенно в рамках терминологии Дарвина Гитлер пишет о том, что только борьба за выживание делает человечество сильным, здоровым и прогрессивным. Тем самым борьба является фактором более высокого развития. Как можно видеть, Гитлер (и на этом настаивают многие авторы, изучавшие его идеологию) строил свою теорию в полном соответствии с основными положениями теории проис-

хождения человека Дарвина.

47. Вот только некоторые авторы, которые писали о том, что дарвинизм лежал в основе мировоззрения Гитлера: Hannah Arendt «The Origins of Totalitarianism» 1951, «Darwin and Hitler: In Their Own Words», Benjamin Wiker, «Human Events», May 5, 2008, «Was It Immoral for «Expelled» to Connect Darwinism and Nazi Racism?» Richard Weikart, Discovery Institute, May 2, 2008, «Connecting Hitler and Darwin», David Berlinski, Human Events, April 19, 2008, «Think about the Connection between Hitler and Darwin», David Klinghoffer, Jewcy.com, April 18, 2008, «Don't Doubt It», David Klinghoffer, National Review Online, April 18, 2008, «Darwin and the Nazis», Richard Weikart, «The American Spectator», April 16, 2008.

48. А вот слова самого Дарвина о праве сильного и о необходимости уничтожения слабых для целей евгеники. Чарльз Дарвин «Происхождение человека»: «Естественный отбор происходит из борьбы за существование, а последняя есть следствие быстрого размножения. ... Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование. . Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что Из примера некото-

рых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впасть в бездеятельность и отступить в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими. ... У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство – крайне неблагоприятно для человеческой расы. ... Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть, мы должны переносить безропотно несомненно вредные последствия пере-

живания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака». **Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития. ...**

49. Теория естественного отбора в человеческом обществе, как мы могли видеть на примере эволюционной эпистемологии Карла Поппера, не только не перестала быть актуальной, но напротив, антропологи вновь развернулись к Дарвину, инициировав третью волну эволюционизма, «дарвиновскую археологию». Лев Клейн пишет, что новые социальные дарвинисты противопоставили себя социальному дарвинизму Герьерта Спенсера, который не придавал должного на их взгляд значения естественному отбору.

50. Лев Клейн «История антропологических учений»: «Дарвин придерживался эмпирических выводов из открытых им механизмов изменения видов в процессе естественного отбора. И даже избегал терминов „эволюция“ и „прогресс“. А вот Спенсер исходил из общего философского принципа прогресса. Пропагандируя эволюцию, главной ее

движущей силой он считал не естественный отбор, а лишь механизм адаптации, которую можно рассматривать и в духе Ламарка. Так вот, все эволюционисты в культурной антропологии, начиная с Тейлора и Моргана и кончая Лесли Уайтом, в сущности, применяли идеи Спенсера, а не Дарвина. Они считали, что в человеческом обществе естественный отбор остановился, уступив место социальным критериям выживания, адаптация же действует и в человеческом обществе, определяя направление изменений. Культуру они рассматривали как средство адаптации, их уклон можно назвать адапционизмом. Эти оценки сформулировал в 1980 г. американский археолог Роберт Даннел. Он и его соратники предложили вернуться к принципам Дарвина и восстановить значение естественного отбора. Противопоставили адапционизму Спенсера селекционизм Дарвина. Они, полагая, что естественный отбор не остановился в человеческом обществе, а только приобрел другие формы, ратуют за селекционизм».

51. Результатами дарвиновской археологии стало развитие направления селекционизма в антропологии. Появились труды по этологии (изучение поведения животных), а вслед за ними труды по сравнительной этологии и человеческой психологии. «На основе этих работ дарвиновский селекционизм превратился в социобиологию, цель которой, – пишет Лев Клейн, – показать общность эволюционных механизмов групповой этологии животных и коллективной пси-

хологии людей». Клейну близко это направление, он считает людей кроманьонцами, как Леви-Стросс считал себя человеком неолита.

52. Ричард Докинс (дарвиновский ротвейлер) пишет книгу «Эгоистичный ген», где развивает мысль о том, что выживают не организмы, а гены. Организмы приходят и уходят. А гены знают, как о себе позаботиться, направляя все поведение людей в русле естественного отбора. Это очень эгоистичный ген. Даже человеческий альтруизм диктуется эгоистичными интересами генов. Теория эгоистичного мема Ричарда Докинса сродни эволюционной эпистемологии Поппера, у которого теории выживают в жесткой конкуренции. Так и мемы, будучи единицами культурной информации, способствуют выживанию в процессе естественного отбора. «Мемы так же эгоистичны, как и гены», – пишет Клейн. Другой автор, Роберт Даннел, пишет, что естественный отбор действует так же в культуре, как и в природе, только он направлен не на генетическую природу человека, а на его культуру. Это именно естественный отбор, независимый от намерений и целей человека (как утверждал и Поппер в отношении своего «третьего мира» конкурирующих теорий). В отличие от Докинса, у Даннела отбор действует не на гены, а на сами артефакты и лежащие в их основе идеи. «Социобиологи заговорили о коэволюции, что было констатацией, – пишет Клейн, – двух направлений наследственности: генетической и негенетической (культурной)».

53. Таким образом, дарвиновская археология противопоставила адаптационизму Ламарка и Спенсера селекционизм естественного отбора Дарвина, который уже и культуру обосновал с позиций биологизма и селекционизма. Эгоистичные гены и мемы, конкурирующие теории, этология и социобиология – за всеми этими наукообразными терминами стоит стандартная для биологизма и материализма редукция интеллекта и сознания человека к животному миру. Мы уже не раз имели возможность наблюдать последствия такой редукции на практике. Но другой науки на сегодня у нас нет.

Глава 6. Проблема Структурализма. Леви- Брюль и Леви-Стросс

*Немалое различие существует между идолами
человеческого ума и идеями божественного разума.
Френсис Бэкон «Новый Органон»*

1. Лев Клейн в книге «История антропологических учений» завершает обзор классического эволюционизма статьей о шотландском протестанте и библеисте, Уильяме Робертсоне-Смите, чья книга «Религии семитов» наделала много шума в свое время. Томас Бейдельман и Роберт Сигал в «Энциклопедии религии» называют книгу Робертсона Смита революционной, оказавшей большое влияние на развитие всей дальнейшей антропологии.

2. Действительно, с «Религии семитов» Робертсона Смита начинается качественное разделение примитивных и зрелых религий. Смит доказывал, что семитические религии, как все прочие первобытные религии, был стандартным тотемизмом.

3. «В книге Уильяма Робертсона-Смита, – пишет Лев Клейн, – религия древних евреев переставала быть особой и становилась обычной первобытной религией, а Библия,

чтобы не думал об этом сам автор, переставала быть открытием и становилась историческим источником о типичной первобытной религии». Понятно, почему он отнес работы Смита к классическому эволюционизму, наравне с работами Тейлора и Моргана, ведь Смит тоже трактовал филогенез как переход от первобытного сознания «примитивов» к разумному сознанию цивилизованных людей. Учеником Смита стал прославившийся своими многочисленными работами в области антропологии впоследствии Фрейзер, а Эмиль Дюркгейм и Люсьен Леви-Брюль основали свои теории на его работах. Лев Клейн пишет, что Робертсон-Смит оказал влияние в том числе на Фрейда и Малиновского.

4. Томас Бейдельман, Роберт Сигал, «Энциклопедия религии (1987 и 2005)»: «Уильям Робертсон-Смит в «Лекциях о религии семитов» обращается к «аравийскому язычеству», наиболее раннему и также простому примеру семитской религии. Основой теории Смита является предположение о том, что семиты изначально находились на «первобытной» стадии культуры, поэтому для того, чтобы понять их, необходимо сравнить их мировоззрение с мировоззрением примитивных народов мира. Смит четко разделяет религии на первобытные и современные. Если основным признаком современной религии является вера, то сердце первобытной религии – ритуалы. Новаторство теории Смита как раз и заключается в выделении ведущей роли ритуала (а не верований) в первобытной и древней религии. Древнюю и со-

временную религии Смит разделил непроходимой бездной. Смит подчеркивал различия между ранней семитской религией и современным христианством. Для Смита основополагающим различием современной и первобытных религий заключается также в том, что первые спиритуалистичны, а вторые – материалистичны. В древних религиях Бог воспринимается непосредственно как биологический отец своих почитателей. И только с возникновением христианства оказывается возможным освободить духовное от материального. Доказывая, что ритуал в древней религии предшествует верованию, Смит сравнивает религию и общественную жизнь или точнее – определяет религию как часть общественной жизни. Религиозные обязанности некогда считались гражданскими обязанностями. «Но до тех пор, пока предписанные формы соблюдались должным образом, человек считался истинно верующим, и никто не спрашивал его, как глубоко религия проникла в его сердце или как повлияла она на его разум» (Смит, 1894, с. 21). Во внимание принималась практика и только практика. Религия, основанная на страхе, согласно собственным критериям Смита, неизбежно превращается в магию. Значимость, напрасно придаваемая мифологии, отражает, с точки зрения Смита, значимость, которую столь же напрасно придают вере при изучении древней религии. Если Дюркгейм постоянно подчеркивал, что любая религия по определению коллективна, то Смит ограничивает свой «социологический подход» рамками перво-

бытных и древних религий. Смит заслуженно считается первопроходцем, в том числе первопроходцем в социологии религии. Ему удалось перенаправить изучение первобытных и древних религий с области верований на область институтов, с исследования индивида на исследование группы. С точки зрения Смита, главной функцией первобытных религий являлось сохранение целостности группы, даже если при этом группа сама не является объектом религиозного поклонения, как считал более последовательный социолог Дюркгейм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.